

**УРСУЛА
ЛЕ ГУИН**

**Обширней
и медлительней
империй**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Хайнский цикл

Урсула Ле Гуин

**Обширней и медлительней
империй (сборник)**

«Азбука»

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Ле Гуин У. К.

Обширней и медлительней империй (сборник) / У. К. Ле Гуин —
«Азбука», — (Хайнский цикл)

То, что разумная жизнь самостоятельно зародилась на Земле, – наивное заблуждение. На самом деле мы лишь одна из многих колоний, созданных прогрессорами с планеты Хайн и на долгий срок оставленных без присмотра. Однажды возобновятся межзвездные путешествия, и старейшие обитаемые миры, наш в том числе, войдут в союз под названием Экумена. Чтобы управлять космической цивилизацией без грубого вмешательства в дела других рас, свято соблюдать этику контакта и доверять миссию посла только тем, кто способен достучаться до любого сердца. Вошедший в этот сборник роман «Обделенные» – «пролог» Хайнского цикла – удостоен премий «Хьюго», «Небьюла», «Локхид» и «Прометей». Сюжетные элементы романа «Слово для „леса“ и „мира“ одно» (премия «Хьюго») легко прослеживаются в фильме «Аватар».

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

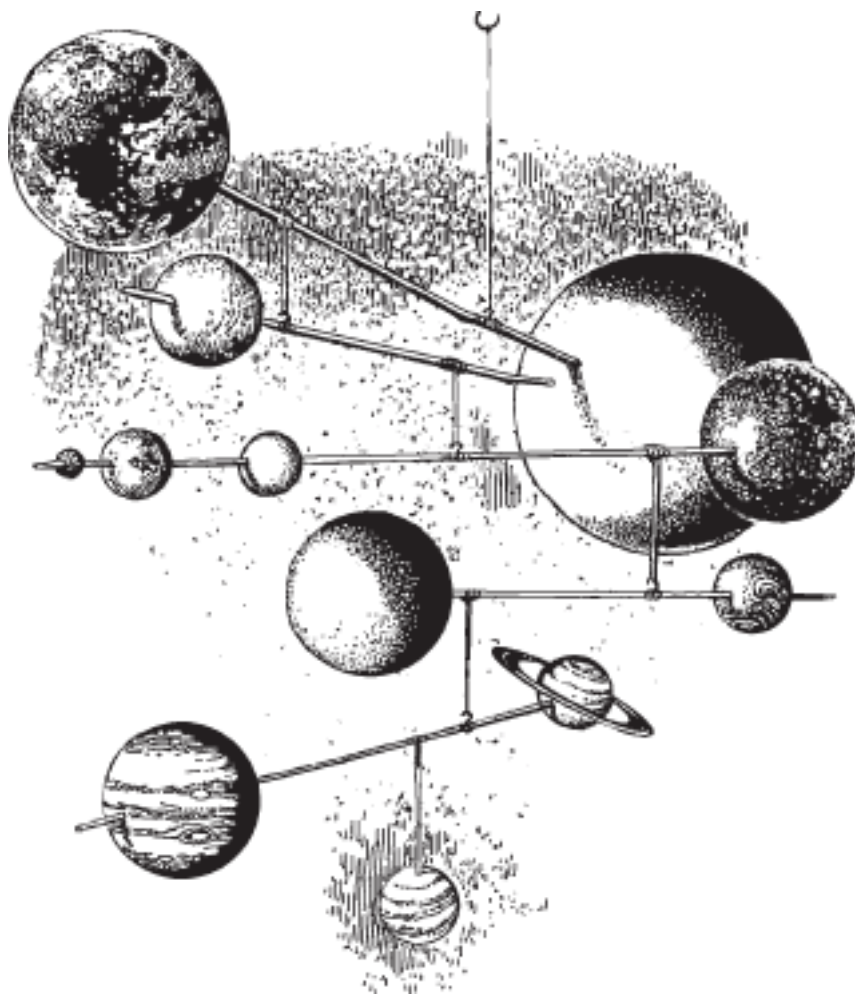
© Ле Гуин У. К.
© Азбука

Содержание

Обделенные[1]	8
1	9
2	24
3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Урсула Ле Гуин Обширней и медлительней империй

Ursula K. Le Guin
THE DISPOSSESSED
THE DAY BEFORE THE REVOLUTION
VASTER THAN EMPIRES AND MORE SLOW
THE SHOBIES STORY
ANOTHER STORY OR A FISHMAN OF THE INLAND SEA
THE WORLD FOR WORLD IS FOREST
DANCING TO GANAM

Copyright © Ursula K. Le Guin

© И. Гурова (наследник), перевод, 2016

© О. Васант, перевод, 2016

© А. Новиков, перевод, 2016

© В. Старожилец, перевод, 2016

© И. Тогова, перевод, 2016

© С. Трофимов, перевод, 2016

© С. Григорьев, иллюстрации, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Обделенные¹

---

¹ Перевод И. Тогоевой

1

Анаррес – Уррас

И была там стена. Не слишком красивая – сложенная из грубого камня, кое-как скрепленного известкой. И невысокая – взрослый запросто мог заглянуть на другую сторону, а уж перелезть через стену способен был даже ребенок. Там, где стена пересекала дорогу, не было никаких ворот; она просто сходила на нет, превращаясь в линию на земле: в символ границы. Впрочем, граница-то как раз была вполне реальной и всеми соблюдалась свято вот уже семь поколений. В жизни людей на этой планете самым важным были именно эта граница и эта стена.

У стены, разумеется, было две стороны. И воспринимать мир – в зависимости от того, с какой стороны находишься, – можно было по-разному, для себя решая, какая их двух сторон внутренняя, а какая внешняя.

Так вот, если смотреть со стороны дороги, ведущей к стене, то получалось, что стена окружает довольно большой кусок пустыни в шестьдесят акров, называемый космопорт Анаррес, где вдали торчали громадные подъемные краны, виднелась стартовая площадка для космических ракет, располагались три склада, гаражи и унылые бараки для персонала, попросту казармы, где не было ни деревца, ни цветочка, ни детей и где, в общем-то, по-настоящему никто никогда и не жил. Бараки служили чисто карантинным целям – ведь в космопорт регулярно прилетали чужие космические корабли с грузом, и тогда стена отделяла от окружающего мира не только сами корабли, но и тех, кто на них прилетал, то есть инопланетян. Таким образом, стена как бы замыкала в кольцо прорвавшуюся сюда Вселенную с ее представителями, оставляя Анаррес вовне и на свободе.

Впрочем, можно было посмотреть на стену иначе, с другой стороны, и тогда получалось, что это Анаррес, весь целиком, окружен стеною, точно огромный концлагерь, и отрезан ею ото всех прочих миров Вселенной, как бы пребывая в состоянии вечного карантина.

Однако по дороге к стене всегда тянулись люди, останавливаясь у той черты, где по земле проходила граница.

Люди часто приходили сюда из расположенного недалеко города Аббенай в надежде увидеть космический корабль; некоторым же хотелось просто посмотреть на стену. В конце концов, это была единственная четко обозначенная граница на их планете. Нигде более не могли они увидеть знака, гласившего: «Прохода нет!» Особенно тянуло к стене подростков. Они прямо-таки липли к ней, залезали на нее и сидели часами, наблюдая, как огромные краны снимают упаковочные клетки с подползающих вереницей тяжелых машин. А если повезет, на взлетном поле мог оказаться даже инопланетный корабль, хотя большие рейсовые грузовики прилетали на Анаррес всего восемь раз в год и об их прилете не знал заранее никто, кроме членов Синдиката сотрудников космопорта, так что, когда мальчишкам на стене удалось на сей раз увидеть-таки корабль с Урраса, они были в восторге, однако продолжали смирно сидеть на своем месте, глядя на приземистую черную башню вдали, среди леса разгрузочных приспособлений и кранов. Наконец из складского помещения вышла какая-то женщина – судя по повязке на рукаве, член Синдиката охраны – и сказала ребятам:

– Ну все, братцы. На сегодня представление окончено.

Повязка на рукаве – знак власти! – была здесь почти такой же редкостью, как и прибытие космического корабля с другой планеты, и мальчишкам стало еще интереснее, однако тон женщины, хоть и был достаточно мягок, возражений не допускал. Она, безусловно, была здесь начальником и вполне могла позвать на помощь своих подчиненных. Впрочем, смотреть все равно было практически не на что. Инопланетяне продолжали прятаться в своем корабле, и никакого «представления» не получилось.

Сами охранники тоже явно скучали; их начальнице порой даже, пожалуй, хотелось, чтобы кто-нибудь из местных жителей попытался перелезть через стену, или член инопланетного экипажа спрыгнул бы на землю с трапа своего корабля, или какой-нибудь мальчишка из Аббеная попытался пробраться на космодром, чтобы рассмотреть корабль поближе... Но этого никогда не случилось! А когда все-таки случилось, охрана оказалась к этому совершенно не готова.

– Это что же, из-за моего корабля у ворот целая толпа собралась? – изумленно спросил у начальницы охраны капитан «Старательного».

Начальница видела, что «у ворот» собралось по крайней мере человек сто. Они просто стояли – так люди стояли когда-то на железнодорожных станциях во времена Великого Голода. Начальница нахмурилась.

– Видите ли... они... э-э-э... протестуют, – сказала она, с трудом подбирая слова чужого языка йотик. – Понимаете? Вы ведь берете пассажира!

– Ну и что? Неужели вы хотите сказать, что они недовольны тем, что мы должны принять на борт какого-то ублюдка? Они что же, остановить его хотят? Или, может, нас?

Слова «ублюдок», которого попросту не существовало в родном языке начальницы охраны, она не поняла и решила, что это просто очередной иностранный термин, обозначающий представителя ее народа, но чем-то это слово ей все-таки не понравилось, точнее, не понравился тон, которым произносил его этот капитан. Впрочем, сам капитан тоже был ей неприятен.

– Вы о себе позаботитесь сумеете? – сухо спросила она.

– Еще бы, черт побери! А вы проследите, чтоб загрузка шла быстрее. И пусть поскорее доставят на борт этого ублюдка. То есть пассажира. Нам-то на этих болванов у ворот наплевать. – И капитан одобрительно похлопал ладошкой по висевшей у него на форменном ремне металлической штуковине, похожей на уродливый фаллический символ, и покровительственно посмотрел на невооруженную женщину.

Она холодно на него взглянула, – конечно же, она давно знала, что это оружие.

– Погрузка будет закончена через четырнадцать часов, – отчеканила она. – Команде лучше оставаться на борту – так безопаснее. Взлет состоится через четырнадцать часов сорок минут. Если вам понадобится какая-либо помощь, передайте информацию в Наземный контроль. – И она пошла прочь, пока капитан не успел еще раз досадить ей своим хамским поведением. Сдерживаемый ею гнев прорвался лишь у самой стены. – Эй, очистить дорогу! – грубо крикнула она собравшимся. – Сейчас тяжелые грузовики пойдут, еще раздавят кого-нибудь. А ну разойдись!

Мужчины и женщины в толпе что-то сердито возражали ей, спорили друг с другом, но уходить и не думали и продолжали торчать у самой дороги, а некоторые даже зашли за стену. Однако проезд все же более или менее освободили. Начальница охраны абсолютно не представляла себе, как следует вести себя с пикетчиками; впрочем, и сами «пикетчики» никаким опытом не обладали. Будучи членами всего лишь человеческого сообщества, но не того, что принято называть «коллективом», люди эти были движимы отнюдь не «массовым сознанием»; здесь было не меньше различных мнений и эмоций, чем самих людей. И они вовсе не предполагали, что кто-то попытается ими командовать; подчиняться командам они вообще не привыкли. Отсутствие этой привычки и спасло жизнь пассажиру космического грузовика.

Кое-кто в толпе был настроен настолько агрессивно, что готов был убить предателя. Иные хотели всего лишь помешать ему покинуть планету или хотя бы выразить ему свое презрение, безусловно заслуженное. Некоторые же пришли просто посмотреть на «этого дезертира». Однако именно то, что людей собралось так много, и помешало настоящим убийцам приблизиться к своей жертве. Ни у кого из них не было огнестрельного оружия, даже ножи были не у всех. Понятие «насилие» для них носило характер физической расправы, физического

превосходства. Они ожидали, что пассажира привезут на машине, возможно в сопровождении охраны, и поэтому с подозрением посматривали на каждый грузовик, без конца задерживая их у ворот. Пока они осматривали очередную машину и спорили с ее разъяренным водителем, тот, кого они так ждали, пришел по дороге пешком, в полном одиночестве и беспрепятственно миновал половину пути к кораблю, когда его недруги наконец опомнились. За пассажиром на некотором расстоянии следовали пятеро охранников. Наиболее агрессивные из пикетчиков бросились было вдогонку, но, поняв, что перехватить его не успеют, принялись кидаться камнями, что было совсем уж ни к чему. Беглеца они лишь слегка задели – он успел нырнуть в корабельный люк, который тут же был задраен, – но двухфунтовый осколок кремня угодил одному из охранников прямо в висок. Несчастный упал замертво.

Его тут же потащили назад, не сделав ни малейшей попытки остановить разъяренных пикетчиков, которые продолжали мчаться к кораблю, несмотря на грозные окрики начальницы охраны, белой от пережитого потрясения и гнева. Она кляла их на все корки, выбежав им наперез, однако они обтекали ее, точно вода камень, и остановились в нерешительности, лишь добежав до корабля. Таинственное молчание огромного межпланетного грузовика, движение кранов, похожих на скелеты гигантских животных, странный вид будто обуглившейся земли и полное отсутствие людей – все это совершенно сбilo их с толку. А когда из недр корабля вырвалось облако то ли пара, то ли какого-то газа, пикетчики и вовсе отступили, смущенно и испуганно поглядывая на гигантские сопла, напоминавшие черные туннели. Сперва один, потом второй, а потом и все остальные бросились к воротам. Никто их не останавливал. Через десять минут на поле было чисто. Толпа рассыпалась вдоль дороги, ведущей в Аббенай. Собственно, ничего больше на взлетном поле не произошло.

Зато внутри корабля царил суматоха. Поскольку Наземный контроль ускорил время взлета, все обычные приготовления пришлось закончить в спешном порядке. Капитан приказал пристегнуть пассажира к креслу и запереть в кают-компании вместе с доктором, чтобы не путался под ногами. Оттуда благодаря экрану наружного наблюдения они могли, если хотели, наблюдать за последними приготовлениями и взлетом.

Пассажир не отрывал глаз от экрана. Он видел взлетное поле, и стену вокруг космопорта, и далекие туманные горы Не-Терас, покрытые зеленоватыми пятнами низкорослых деревьев-холум и серебристыми зарослями лунной колючки.

Вдруг знакомый пейзаж метнулся по экрану куда-то вниз. Голову пассажира прижало к креслу, и кресло запрокинулось – точно в кабинете стоматолога, когда лежишь в идиотской беспомощной позе, а тебя еще заставляют открыть пошире рот. Дышать стало трудно, подташнивало, под ложечкой свернулся тугой узел страха. Все тело, казалось, стонало от навалившейся на него непосильной тяжести. «Нет, не сейчас, погодите, я не хочу!..»

Его спасли собственные глаза, по-прежнему устремленные на экран, а потому сумевшие все увидеть и заставить разум воспринимать происходящее. Безумный страх отступил. На экране появилась странная огромная мертвенно-бледная равнина – сплошной камень. Примерно такой, наверное, виделась Великая Пустыня Даст² с вершин обступивших ее гор. Но как он снова там оказался? Ах да, он же летит на воздушном корабле! Точнее, на космическом. Край равнины сверкнул, точно луч света на поверхности моря. Но в пустыне Даст воды никогда не было! Что же он тогда видит? Каменистая равнина превратилась вдруг в огромную, полную солнечного света чашу. Он с изумлением смотрел, как эта «чаша» становится все более плоской и свет как бы выплескивается из нее через край. Вдруг от «чаши», почти превратившейся в круг, как бы отсекли абсолютно ровный с геометрической точки зрения сегмент. За ним была чернота. И тут же вся картина полностью переменялась: это была уже не «чаша», полная света, а нечто выпуклое, как бы отвергавшее свет, отражавшее его и постепенно превращавшееся в

² Dust(англ.) – пыль. – Примеч. перев.

сферу из белого камня, стремительно падавшую куда-то вниз, в черноту. То была его родная планета Анаррес.

– Я не понимаю, – громко сказал он.

Кто-то ему ответил. Сперва он никак не мог уразуметь, что рядом с ним кто-то есть, мало того, кто-то отвечает на его вопросы, разговаривает с ним, – ему казалось, что это просто невозможно, ведь его мир, его планета улетела куда-то во тьму, оставив его в полном одиночестве...

Он всегда этого боялся, боялся больше, чем смерти. Умереть – значит утратить собственное «я», стать таким же, как все остальные, присоединиться к ним. Он же свое «я» сохранил, хотя и утратил все остальное...

Наконец, собравшись с силами, он посмотрел на того, кто был с ним рядом. Разумеется, этот человек был совершенно ему незнаком. Отныне кругом вообще будут одни незнакомцы. И говорил незнакомец на чужом языке – на языке йотик. Однако отдельные слова все же постепенно обретали смысл, и все мелочи вокруг – тоже, только все в целом смысла не имело. Ага, понятно: этот человек что-то говорит о ремнях безопасности, которыми он пристегнут к креслу. Шевек неумело принялся их отстегивать. Кресло тут же само выпрямилось, и он чуть не вылетел из него. Голова кружилась, он с трудом сохранял равновесие. Незнакомец почему-то все время спрашивал, не был ли кто-то ранен. О ком это он? «Уверен ли он, что не ранен?» Понятно: вежливая форма языка йотик требует третьего лица. Это он о нем, о Шевеке, заботится. Интересно, а чем он мог быть ранен? И при чем здесь камни и скалы? Что за ерунда! Разве можно ранить кого-то – скалой? Шевек оглянулся на экран, на те белые скалистые стены, что уже уплыли в темноту. Но на экране ничего не было видно...

– Со мной все в порядке, – сказал он первое, что пришло в голову.

Однако такой ответ незнакомца отнюдь не удовлетворил.

– Пожалуйста, пойдите со мной. Я врач.

– Но мне не нужен врач! Я прекрасно себя чувствую.

– Пожалуйста, пойдите со мной, доктор Шевек!

– Это вы доктор, – сказал Шевек, подумав. – Врач. А я никакой не доктор. Я просто Шевек.

Врач, светловолосый и лысоватый коротышка, даже сморщился от волнения:

– Вам следовало бы все это время находиться в своей каюте, доктор Шевек!.. Опасность инфекции!.. Вы пока не должны вступать в контакт ни с кем, кроме меня... Я две недели занимался дезинфекцией... Неужели все это напрасно? Черт бы побрал этого капитана! Пожалуйста, доктор Шевек, пойдите со мной, иначе мне придется отвечать...

Шевек видел, что коротышка и впрямь не на шутку расстроен, однако не испытывал ни угрызений совести, ни сочувствия. Впрочем, даже в теперешнем его состоянии, с этим непреодолимым ощущением одиночества в душе, для него по-прежнему важен был только один закон, один-единственный общечеловеческий закон, какой он когда-либо признавал: категорический императив.

– Хорошо, – сказал он и встал.

Голова все еще кружилась; почему-то побаливало правое плечо. Он понимал, что корабль давно уже летит, но ощущения движения не было – только странная тишина вокруг, прямо за стенами, абсолютная, пугающая тишина. Этой космической тишиной были полны стальные коридоры, по которым врач вел его.

Каюта была небольшая, с какими-то странными бороздчатыми и голыми стенами. Она вызывала в памяти те неприятные воспоминания, о которых ему хотелось навсегда забыть. Шевек остановился было на пороге, однако доктор просил, настаивал, и он в конце концов все же вошел.

И сел на койку, больше похожую на полку стеллажа. В голове по-прежнему стоял легкий звон, хотелось спать. Он без всякого интереса наблюдал за действиями врача. Хотя чувствовал, что должен был бы проявлять любопытство: ведь это первый житель планеты Уррас, первый уррасти, которого он видит в жизни! Нет, он слишком устал. Ему страшно хотелось лечь и уснуть.

В прошлую ночь он даже не прилег – просматривал свои записи. Три дня назад он проводил Таквер и детей в Город Благоденствия и после этого не имел ни одной свободной минуты: то мчался на пункт радиосвязи с Уррасом, то снова и снова обсуждал грядущие планы и возможности с Бедапом и остальными, то сваливалось что-нибудь еще, и все неотложное, и в течение этих трех суматошных дней его не покидало ощущение, что не он пытается доделать все недоделанное, а все эти бесконечные дела управляют им, всей его жизнью, всем его существом, что он давно уже не принадлежит себе. Его собственная воля бездействовала, честно говоря, и не испытывая потребности действовать. Однако это ведь благодаря его воле сейчас ведется столь бурная деятельность, и он по собственному желанию оказался здесь, на этом корабле! Как давно все началось! Годы прошли с тех пор. Пять лет назад, когда в ночной тиши горного Чакара он сказал Таквер: «Я поеду в Аббенай и разрушу все эти проклятые стены!» И даже еще раньше, гораздо раньше – в пустыне Даст, в годы голода и отчаяния, когда он пообещал себе, что отныне будет действовать только по собственному свободному выбору. Следуя этому обещанию, он и попал сюда – куда-то вне времени и пространства, в эту маленькую тюрьму...

Врач внимательно осмотрел его раненое плечо (здоровенный синяк удивил Шевека: он был так напряжен и так спешил, что даже не понял происходившего у ворот космопорта и не заметил, как в него попал камень), отошел и снова вернулся, держа в руке шприц.

– Я не хочу, – твердо сказал Шевек. Разговорный йотик пока давался ему с трудом, говорил он медленно и по сеансам радиосвязи знал, что произношение его тоже оставляет желать лучшего. Однако грамматику знал неплохо, предложения строил правильно, и ему труднее было воспринимать чужую речь на слух, чем выразить собственные мысли.

– Но это же вакцина против кори! – с профессиональной невозмутимостью возразил врач.

– Нет, – сказал Шевек.

Врач задумчиво пожевал губу и спросил:

– А вы знаете, что такое корь?

– Нет.

– Это болезнь. Инфекционная. У взрослых часто протекает очень тяжело. У вас на Анаресе ее нет; когда планету заселяли, были предприняты специальные профилактические меры. А вот на Уррасе она весьма распространена. Для вас она вполне может оказаться смертельной. И не только корь, но и многие другие вирусные инфекции. У вас ведь нет иммунитета. Кстати, вы правша?

Шевек машинально кивнул. С изяществом фокусника врач воткнул иглу в его правое плечо. Шевек покорился и молча перенес эту инъекцию и еще много других. У него теперь не было права ни на подозрения, ни на протесты. Он сам навязал себя этим людям, сам отказался от данного ему от рождения права решать все самому. Теперь у него этого права нет – оно отделилось от него вместе с его планетой, с его миром, с миром Обещания, с миром голого камня.

Врач снова что-то сказал, но он больше его не слушал.

Долгие часы – или дни? – он провел в бездействии, в иссушающей безжалостной пустоте без прошлого, без будущего. Стены окружали его плотным кольцом. За стенами царил тишина. Плечи и ягодицы болели от бесконечных уколов; у него сильно поднялась температура, бреда настоящего, правда, не было, но ему казалось, что он находится как бы в промежуточном состоянии между сознанием и бредом, как бы в лимбе, на ничьей территории. Время остановилось. Собственно, его вообще не было. Теперь Шевек сам стал временем. Стал бегу-

щей рекой, выпущенной из лука стрелой, брошенным камнем... Но не двигался – брошенный камень, зависший посреди полета. Не было ни дней, ни ночей. Врач то выключал свет, то включал его. У постели Шевека на стене висели часы. Стрелка двигалась от одной цифры к другой – всего на циферблате их было двадцать, – но смысла в этом он никакого не видел.

Проснувшись после долгого, глубокого сна, он прямо перед собой увидел часы и сонно принялся их изучать. Стрелка застыла чуть дальше «3», если считать с цифры «12», как в часах, рассчитанных на двадцатичетырехчасовые сутки, значит, скорее всего, сейчас середина дня, далеко за полдень. Впрочем, о каком «полудне» может идти речь на космическом корабле, повисшем в пустоте между двумя мирами? Что ж, в конце концов и здесь нужно соблюдать какое-то время. Столь разумные выводы весьма вдохновили Шевека. Он сел, голова больше не кружилась. Тогда он встал и попробовал сделать несколько шагов. В общем не шатало, хотя у него было странное ощущение, что подошвы ног не касаются пола. Видимо, в корабле сила тяжести была несколько меньше обычной. Не слишком приятное ощущение – больше всего Шевеку хотелось в данный момент устойчивости, основательности, солидности, достоверности. И в поисках этого он принялся обследовать каюту.

Голые стены, как оказалось, таили в себе множество сюрпризов, которые только и ждали, чтобы их обнаружили: стоило коснуться панели, как появлялся умывальник, или унитаз, или зеркало. Стол, стул, шкафчик, полки... К умывальнику было присоединено несколько совершенно загадочных электроприборов, а вода продолжала течь из крана, пока сам его не закроешь, – никакого ограничительного клапана не было. Шевек решил, что это великий и добрый знак – то ли безграничной веры в человека, то ли уверенности в том, что запасы воды достаточно велики. Решив, что последнее более верно, он вымылся весь и, не обнаружив полотенца, высушил себя с помощью одного из загадочных устройств – оттуда исходила приятно теплая струя воздуха. Не обнаружив собственной одежды, он снова надел то, что было на нем, когда он проснулся: свободные штаны и бесформенную робу – то и другое ярко-желтого цвета в мелкий синий горошек. Он взглянул на себя в зеркало. М-да, зрелище довольно удручающее. Неужели они на Урресе так одеваются? Он тщетно искал расческу, ограничился тем, что как следует пригладил волосы руками, и решил, что вполне привел себя в порядок и можно выйти из каюты.

Увы. Дверь была заперта.

Сперва Шевек изумился, потом пришел в ярость – то была слепая ярость, страстное желание совершить насилие. Ничего подобного он никогда в жизни не испытывал. Он терзал неподвижную ручку двери, колотил кулаками по гладкому металлу, потом повернулся и что было силы ударил по кнопке вызова, которой врач предложил ему воспользоваться в случае необходимости. Но ничего так и не произошло. На панели интеркома было еще множество разноцветных кнопок с различными номерами, и Шевек злобно шлепнул ладонью сразу по нескольким. Динамик на стене ожил и сердито пробурчал:

– Кто это, черт возьми, там безобразничает в двадцать второй?..

– Немедленно отоприте дверь! – гневно заорал Шевек.

Дверь отъехала в сторону, и в каюту заглянул врач. При виде его знакомой лысины и желтоватого встревоженного лица Шевек несколько остыл и отступил в темный угол, откуда с возмущением заявил:

– Мою дверь заперли!

– Извините, доктор Шевек... всего лишь мера предосторожности... можно подцепить любую инфекцию... Приходится никого к вам не пускать...

– Не пускать никого ко мне или запирать меня ото всех – это абсолютно одно и то же, – сказал Шевек, глядя на доктора с высоты своего немалого роста светлыми ошалелыми глазами.

– Безопасность...

– Безопасность? А в аквариум вы меня посадить не хотите?

– Не желаете ли пройти в офицерскую кают-компанию? – поспешно спросил доктор примирительным тоном. – Кстати, вы не голодны? А может, хотите одеться? А потом мы прошли бы в кают-компанию и...

Шевек внимательно посмотрел на доктора: узкие синие брюки, заправленные в высокие, удивительно мягкие и гладкие сапожки; сиреневая легкая куртка или блуза спереди на застежке в виде серебряных крючков; у ворота и на запястьях из-под нее выглядывал тонкий трикотажный свитер ослепительной белизны.

– Значит, я не одет? – наконец изумленно спросил Шевек.

– О, конечно! Пижамы, в общем, вполне достаточно... У нас тут, знаете ли, свободно, никаких особых правил этикета... Тем более на грузовом корабле!

– Пижамы?

– Ну да, того, что на вас. В этом спят.

– Спят в одежде?

– В пижаме.

Шевек был потрясен. Он помолчал и спросил:

– А где та одежда, что была на мне?

– Ах, та? Я отдал ее почистить... простерилизовать... Надеюсь, вы не возражаете, доктор Шевек?.. – Он пошарил по стене – открылась панель, которой Шевек обнаружить пока не успел, и оттуда вылетело нечто завернутое в бледно-зеленую бумагу. Врач вынул из свертка старый костюм Шевека, который выглядел теперь чрезвычайно чистым, хотя, похоже, несколько уменьшился в размерах; затем он скомкал бумагу, нажал на другую панель, сунул бумажный комок в открывшееся взору мусорное ведро и неуверенно улыбнулся: – Прошу вас, доктор Шевек.

– А что стало с бумагой?

– С какой бумагой?

– С зеленой?

– Ах, это! Я ее выбросил.

– Выбросили?

– Ну да, в мусорное ведро. Ее потом сожгут.

– Вы сжигаете бумагу?

– Я, конечно, не совсем уверен... возможно, мусор просто выбрасывают в космос... Я ведь не врач-космонавт, доктор Шевек, летаю не так часто. Мне была оказана честь сопровождать вас, поскольку у меня богатый опыт общения с инопланетянами. Например, с посланниками Земли и Хайна. Кроме того, именно я отвечаю за процесс профилактической вакцинации и адаптации всех инопланетян, прибывающих в А-Йо; впрочем, вы, разумеется, не совсем обычный инопланетянин... не в полном смысле этого слова... – Он смущенно посмотрел на своего собеседника.

Шевеку далеко не все было понятно, но его покорила эта тревожно-робкая доброжелательность.

– Да-да, конечно, – сказал он. – Возможно даже, что у нас с вами на Уррасе была одна и та же прапрапрабабка – лет этак двести назад. – Он уже надевал свою привычную одежду и, натягивая через голову сорочку, заметил, как врач сует желтую в синий горошек пижаму в контейнер для мусора. Шевек на мгновение замер, так до конца и не просунув голову в ворот, потом быстро натянул рубашку и заглянул в «мусорное ведро»: там было пусто. – Эту одежду тоже сожгут?

– Ах, да это же дешевенькая пижама, так сказать, для одноразового пользования... надел и выбросил... сделать новую дешевле, чем стирать ее или чистить...

– Дешевле... – задумчиво повторил Шевек. Он пробовал это слово на вкус – так палеонтолог смотрит порой на какую-нибудь крошечную окаменелость, в которой для него воплощен целый археологический период.

– Боюсь, ваш багаж пропал... во время... вашего поспешного... последнего броска по взлетному полю... Надеюсь, там не было ничего особенно важного?

– Я ничего с собой не взял, – ответил Шевек.

Костюм его стал практически белоснежным и действительно несколько подсел, но все же сидел вполне сносно. Приятным было и знакомое прикосновение грубоватой ткани из волокна холум. Он снова чувствовал себя самим собой, прежним. Несколько успокоенный этим, он сел на кровать лицом к врачу и сказал:

– Видите ли, мне понятно, что у вас все иначе, чем на нашей планете. На Уррасе нужно все себе покупать. Поскольку я направляюсь к вам, не имея денег, а стало быть, не имея и возможности что-либо купить, значит я должен был что-то принести с собой. Но много ли я мог захватить с Анарреса? И что именно? Одежду? Ну хорошо, я мог бы взять еще два костюма. Но как быть, например, с едой? Разве я мог бы привезти с собой на другую планету достаточно пищи? И на какой срок? И так, у меня ничего нет, купить я тоже ничего не могу. Если на Уррасе захотят сохранить мне жизнь, то должны все это мне просто дать. Но ведь тогда получится, что я заставляю вас вести себя подобно жителям Анарреса! То есть делиться, давать даром, а не продавать. Так, во всяком случае, мне представляется. Хотя, разумеется, вам совсем необязательно сохранять мне жизнь... Ведь вы уже поняли, что я самый обыкновенный нищий!

– О нет! Как вы можете так говорить! Вы наш долгожданный и уважаемый гость! И пожалуйста, не судите о нашей планете по команде этого корабля – на грузовиках обычно летают весьма невежественные и ограниченные люди. Вы даже представить себе не можете, какой вам будет на Уррасе оказан прием! В конце концов, вы всемирно – нет, всегалактически! – известный ученый! И к тому же наш первый гость с Анарреса. Уверяю вас, все будет совершенно иначе, и вы сами в этом убедитесь, как только мы прибудем в Пейер-Филд.

– Не сомневаюсь. Вот в этом я совершенно не сомневаюсь, – тихо ответил Шевек.

* * *

Перелет с Анарреса на Уррас обычно занимал четверо с половиной суток, однако на этот раз «Старательному» еще пять суток пришлось провести на орбите: пассажиру необходимо было как следует адаптироваться к новым условиям. Шевек и Кимое, сопровождавший его врач, провели это время в бесконечных прививках и беседах, тогда как капитан «Старательного» проклинал все на свете. Встречаясь с Шевеком, он говорил с ним как-то странно, смущенно-пренебрежительно. И Кимое, готовый объяснить все на свете, тут же выдал свое толкование подобного поведения:

– Видите ли, наш капитан привык воспринимать иностранцев и инопланетян как существа низшего порядка. Он не считает их «настоящими» людьми.

– Да-да, я помню, что Одо назвала это «созданием псевдовидов», но полагал, что на Уррасе уже не популярны подобные взгляды, – ведь у вас так много различных языков и национальностей и, наверное, немало гостей из иных солнечных систем...

– Да нет, последних как раз очень мало – полет из одной галактики в другую слишком дорог и долог. Надеюсь, правда, так будет не всегда, – прибавил Кимое, с лстивой улыбкой взглянув на Шевека, однако Шевек намека не понял. Он думал о своем.

– А помощник капитана, похоже, меня просто боится, – сказал он.

– О, в данном случае это примитивный религиозный фанатизм. Он из тех, кто неуклонно верит в Божоявление. Каждую ночь исступленно молится перед заутреней. Совершенно косное мышление!

– Значит, он воспринимает меня... как?

– Как опасного атеиста.

– Атеиста! Но почему?

– Как? Потому что вы последователь учения Одо, потому что вы с Анарреса – где, как известно, веры не существует.

– Не существует веры? Неужели вы действительно считаете, что у нас нет веры? Что же мы там, каменные?

– Я имею в виду государственную религию, доктор Шевек, – с Церковью, с Символом веры... – легко поправился Кимое.

У него была типичная для врача доброжелательная уверенность в собственной правоте, однако Шевек постоянно умудрялся эту уверенность поколебать. Стоило ему задать два-три довольно-таки неуклюжих вопроса, и Кимое оказывался в тупике, не находя ответа.

У каждого из собеседников имелись к тому же вполне определенные установки, совершенно неведомые другому. Например, Шевеку казалась весьма странной концепция превосходства одной расы над другой. Он знал, что подобная концепция занимает важное место в мировоззрении уррасти; в их языке слово «выше» часто употреблялось как синоним слова «лучше». Он не раз сталкивался с этим даже в трудах по физике и математике, например в тех случаях, когда анаррести сказал бы: «Ближе к центру». Но какое отношение имело понятие «быть выше кого-то» к понятию «быть чужеземцем»? Подобных загадок возникало сотни!

– Понятно, – сказал он, отчасти удовлетворившись ответом Кимое. – Вы не допускаете, что вера, религия может существовать вне церквей. Как не допускаете и существования иных моральных установок, не вписывающихся в рамки ваших законов. А знаете, я ведь так и не сумел до конца это понять, сколько ни искал ответ в книгах ваших авторов.

– Ну, в наше время всякий просвещенный человек, конечно же, допускает...

– А словари только путаницу вносят, – продолжал, словно не слыша его, Шевек. – В языке правик слово «религия» вообще употребляется редко. Нет, вы бы сказали: «В исключительных случаях». В общем, нечасто. Разумеется, это одна из категорий познания, возможно, четвертая. Мало кто из людей способен воспользоваться всеми двенадцатью категориями теоретического естествознания. Однако эти типы познания созданы на основе естественных возможностей человеческого разума, так что ни в коем случае нельзя всерьез считать, будто обитатели Анарреса даже потенциально не способны к религиозным верованиям. По-моему, у нас вполне успешно занимались, например, физикой, хотя мы были практически оторваны от тех фундаментальных знаний, которые остальное человечество получило в результате своего проникновения в космос.

– О, я вовсе не то хотел...

– В ином случае нас действительно стоило бы считать «псевдовидом»!

– О, разумеется! Всякий образованный человек сразу бы догадался... Пилоты на этом корабле – просто невежественные люди...

– Но неужели только религиозным фанатикам разрешено выходить в космос?

Это был очередной вопрос, поставивший Кимое в тупик. Подобные разговоры становились порой невыносимо утомительными для маленького доктора и не приносили удовлетворения Шевеку. И все же для обоих они были чрезвычайно интересны! Для Шевека это была единственная возможность предварительного знакомства с тем новым миром, что ждал впереди. Пространство корабля и разум Кимое в данном случае составляли весь его микрокосм. На борту «Старательного» не было книг, офицеры избегали Шевека, а остальным членам команды вообще было строго запрещено показываться ему на глаза. Что же касается умствен-

ных задатков доктора Кимое, то, несмотря на безусловную образованность и доброжелательность, в мыслях у него царила чудовищная неразбериха, нагромождение нелепых интеллектуальных артефактов, в которых разобраться было не менее сложно, чем в бесчисленных бытовых приспособлениях, которыми корабль был битком набит и которые Шевек со временем стал находить даже забавными. Здесь всего было так много и все такое красивое, современное и остроумно сделанное, что он не мог не восхищаться кораблем. Однако «обстановку» в душе и мыслях доктора Кимое Шевек отнюдь не находил столь же удобной для жизни. Мысли Кимое, казалось, просто не способны были выстраиваться по прямой; что-то он вынужден был обойти кругом, другого вообще избегать, а в итоге упирался лбом в очередную непробиваемую стену. Подобные «стены» окружали все его мысли и представления, хотя сам он, похоже, даже не подозревал об их существовании. Зато у собеседника возникало ощущение, что он постоянно за ними прячется. Лишь однажды Шевеку удалось действительно «пробить брешь» в такой «стене».

Он всего лишь, помнится, спросил, почему на корабле нет женщин, и Кимое ответил, что водить грузовой корабль не женское дело. Чтение многочисленных исторических трудов и неплохое знание работ Одо дали Шевеку возможность представить себе тот контекст, в котором можно было понять незыблемую логику данного ответа, и он больше ничего спрашивать не стал. Однако Кимое тут же сам задал ему вопрос:

– А правда, доктор Шевек, что женщины в вашем обществе пользуются абсолютно теми же правами, что и мужчины?

– Зачем же заставлять простаивать зря отличные «рабочие механизмы»! – пошутил Шевек. Помолчал и засмеялся – настолько нелепой показалась ему мысль, явно заставившая Кимое задать этот вопрос.

Кимое поколебался, в очередной раз выбирая обходной путь среди различных препон и запретов, потом вдруг вспыхнул и забормотал смущенно:

– О нет... я имел в виду не половые отношения... Очевидно, вы... они... Я имел в виду социальный статус ваших женщин.

– «Статус» – это примерно то же самое, что «класс»?

Кимое безуспешно попытался объяснить Шевеку, что такое «статус», потом вернулся к исходной теме:

– Неужели у вас действительно не существует подразделения работы на «мужскую» и «женскую», доктор Шевек?

– Пожалуй, нет. По-моему, это чисто механическое разделение труда. Вы со мной не согласны? Человек выбирает себе занятие, работу по своим интересам, по призванию, в соответствии, наконец, со своими физическими возможностями и выносливостью – какое ко всему этому отношение имеют половые различия?

– Мужчины физически сильнее, – уверенным тоном заявил Кимое.

– Да, часто. И крупнее женщин. Но ведь существуют машины! И даже если б их не было, даже если б мы должны были копать землю лопатой и переносить тяжести на собственной спине, мужчины, возможно, работали бы быстрее, зато женщины – дольше, поскольку они выносливее... Ох, частенько мне хотелось обладать той же выносливостью и тем же упорством, какими обладают женщины!

Кимое уставился на него, явно потрясенный до глубины души. Он даже о вежливости забыл.

– Но утрата... женственности... изящества... деликатности... Утрата мужского самоуважения... Вы же не станете притворяться, что в вашей области есть равные вам среди женщин? В физике, в математике? В интеллектуальной сфере в целом? Не станете же вы утверждать, что готовы низвести себя до их уровня?

Шевек сел в мягкое удобное кресло и окинул взглядом ставшую уже привычной офицерскую кают-компанию. На экране все так же светился на фоне черного неба сегмент яркого зелено-голубого шара – Уррас. Он вдруг почувствовал себя совершенно чужим здесь, среди ярких красок изысканной обтекаемой мебели, мягкого скрытого освещения, изящных игровых столов, телевизионных экранов, пушистых ковров на полу...

– Мне, вообще-то, не свойственно притворяться, Кимое, – сухо заметил он.

– О, простите!.. Разумеется, я и сам знал весьма неглупых женщин, которые способны были мыслить не хуже мужчин... – Кимое почти кричал и явно понимал, что вот-вот сорвется.

А ведь он ломится в открытую дверь, подумал Шевек, потому и нервничает...

Он быстро сменил тему разговора, однако мысли продолжали крутиться вокруг затронутого вопроса. Должно быть, в общественной жизни Урраса проблема превосходства и неполноценности занимает центральное место. Если для того, чтобы уважать себя, даже Кимое, врачу, необходимо считать половину человеческого рода существами низшего порядка, то как же чувствуют себя на Уррасе женщины? Как им удастся достичь самоуважения? Или они, в свою очередь, тоже презирают мужчин? Считают их существами низшего порядка? И как все это отражается на взаимоотношениях двух полов? Из трудов Одо Шевек узнал, что двести лет назад основными институтами, регулирующими сексуальные отношения на Уррасе, были «браки» – некий союз партнеров, узаконенный и установленный правовыми и экономическими нормами, – и «проституция», по сути дела, очень широкий термин, обозначающий совокупление за деньги, то есть на основе «купли-продажи», все тех же экономических отношений. Одо вынесла суровый приговор обоим этим институтам, однако сама была замужем. Впрочем, за двести лет эти институты вполне могли претерпеть существенные изменения. Если он собирается жить на Уррасе и среди уррасти, то лучше все это выяснить сразу.

Неужели даже секс, бывший для него источником утешения, радости и веселья в течение стольких лет, буквально через несколько дней может стать запретной территорией, где следует пробираться осторожно, с оглядкой, сознавая свое невежество? Да, именно так. Первое предостережение он уже получил – не только благодаря мимолетной вспышке раздражения у Кимое; скорее этот эпизод внезапно прояснил его собственные прежние неясные догадки. Впервые оказавшись на борту космического корабля, в течение долгих часов горячего отчаяния он неотвязно ловил себя на одной и той же надоедливой мысли: до чего же мягка и удобна его постель! А ведь с виду самая обычная жесткая койка. Матрас подавался под его тяжестью с ласкающей тело упругостью. Он буквально льнул к телу, причем так настойчиво, что Шевек не в состоянии был отвлечься от этого, даже проваливаясь в сон. И удовольствие, и раздражение, которые этот матрас вызывал у него, носили явно эротический характер. Теми же свойствами обладал и сушильный аппарат, из которого исходил нежно ласкающий тело поток теплого воздуха. «Сушилка» тоже чуть-чуть раздражала Шевека. А дизайн кресел и прочей мебели в кают-компании? Все эти изящные округлости и изгибы, мягкость подушек, гладкость поверхностей, ласковое прикосновение обивки – разве в этом мало было скрытой эротики? Шевек достаточно хорошо знал себя и был уверен: несколько дней без Таквер даже в условиях сильного стресса не способны довести его до того, чтобы ему в изгибе каждой столешницы мерещилась женская фигура. По крайней мере, если рядом действительно не будет женщин.

Неужели все кабинетные ученые на Уррасе дали обет безбрачия?

Он сдался, так ничего для себя и не решив; ничего, он непременно вскоре выяснит все это.

Буквально перед самой посадкой, когда Шевек пристегнул ремни безопасности, к нему забежал Кимое проверить, как чувствует себя его подопечный после заключительной прививки – от чумы, – которая вызвала у Шевека некоторое недомогание.

Кимое протянул ему очередную пилюлю и сказал:

– Это поможет вам легче перенести посадку.

Шевек стоически проглотил лекарство. Кимое быстро сложил свои инструменты и вдруг заговорил торопливо и сбивчиво:

– Доктор Шевек, я не уверен, что мне позволят сопровождать вас на Уррасе, хотя это, в общем, возможно... однако, если у нас не будет более возможности поговорить, я бы хотел сказать вам сейчас... что я... что путешествие с вами было для меня великой честью! Не потому... но потому, что я начал уважать... ценить... просто по-человечески ценить... вашу доброту, истинную доброту...

Шевек не нашел ничего лучшего – голова после прививки дико болела, – как пожать руку Кимое и от всей души предложить:

– Так давай снова встретимся, брат мой!

Кимое вздрогнул, нервно стиснул ему руку – по обычаю уррасти – и поспешил прочь. Уже после его ухода Шевек понял, что говорил на языке правик, которого Кимое не знает, и назвал его «аммар», то есть «брат».

Динамик на стене изрыгал бесчисленные приказы. Пристегнутый ремнями к креслу, Шевек слушал их, чувствуя, как усиливается дурнота: корабль пошел на посадку. Под конец он почти ничего не соображал и надеялся только, что его не вырвет; он так и не понял, сели они уже или нет, когда в каюту снова поспешно вошел Кимое и потащил ничего не соображавшего Шевека в кают-компанию. То место, где до сих пор на экранах светилась в кольце опаловых облаков планета Уррас, было пусто. Зато кают-компания была битком набита народом. Интересно, вяло подумал Шевек, откуда они все появились? Он был приятно поражен тем, что вполне способен не только стоять прямо, но даже ходить, бормотать слова приветствия и пожимать чьи-то руки. Пока что он решил сосредоточиться исключительно на этом, пропуская мимо ушей практически все, что говорилось вокруг. Голоса, улыбки, руки, незнакомые слова, чьи-то имена... Без конца повторялось его имя: доктор Шевек, доктор Шевек... Потом толпа незнакомцев повлекла его куда-то по крытой аппарели; голоса вокруг звучали очень громко, усиленные гулким эхом. Потом гул голосов стал тише, и лица Шевека коснулся ветерок – воздух чужой планеты.

Он поднял голову, сделал еще шаг, споткнулся и чуть не упал: он стоял на твердой земле. И в это мгновение – между началом шага и его завершением – он успел подумать о смерти. Но шаг был завершен: Шевек прибыл на другую планету.

Вокруг расстилался бескрайний серый вечер. Голубые огни, тая в туманной дымке, горели где-то на дальнем краю огромного поля. Воздух, касавшийся его лица и рук, проникавший в ноздри, в горло, в легкие, был холодным и влажным, но не неприятным; и хотя в нем чувствовалось множество различных, неведомых Шевеку запахов, он не казался ему чужим – воздух планеты, бывшей колыбелью его народа, воздух его древней родины.

Кто-то поддержал Шевека под локоть. Мигнули яркие огни – фоторепортеры спешили отснять сцену прибытия дорогого гостя для новостных передач: еще бы, первый человек с луны! Он хорошо смотрелся в кадре – высокий и хрупкий, окруженный знаменитостями, профессорами. Тонкое лицо, густая растрепанная шевелюра, заносчиво задранный подбородок. Фотографам легко было запечатлеть каждую черточку его лица – он, возвышаясь над остальными, тянул шею так, словно пытался увидеть что-то поверх ослепительных вспышек, в небесах, затянутых дымкой тумана, сквозь который почти не видны были звезды и его родная «луна», с которой он прилетел. Журналисты пытались прорваться сквозь кольцо полицейских: «Не будет ли краткого заявления для прессы, доктор Шевек? Хотя бы несколько слов... В столь важный исторический момент...» Но полицейские стояли стеной. Те, кто был с ним рядом, повлекли его куда-то и быстренько усадили в поджидавший их лимузин. Фотографии в газетах получились просто отменные: высокий, длинноволосый инопланетянин, на лице странное выражение – смесь узнавания и печали...

* * *

Дома столицы вздымались в тумане, точно ступени гигантской лестницы с мерцающими неяркими огоньками. Над головой светящимися ревущими лентами проносились поезда. Улицы были точно глубокие коридоры с массивными стенами из камня и стекла; в «коридорах» суетились машины, трамваи... Камень, сталь, стекло, электрические огни. И ни одного лица!

– Это Нио-Эссейя, доктор Шевек. Мы решили, что для начала не стоит выставлять вас на обозрение толпе любопытных. Мы поедем прямо в Университет.

В темноте рядом с ним на мягких подушках автомобильных сидений оказалось пять человек. Все что-то объясняли ему, рассказывая о тех достопримечательностях, мимо которых они проезжали, однако из-за тумана Шевек так и не разобрался, которое из громадных, точно плывущих в сумеречном свете зданий Верховный суд, а которое Национальный музей и где Совет директоров, а где Сенат. Они проехали по мосту над какой-то широкой рекой, точнее, эстуарием. Миллионы огней Нио-Эссейи, точно светлячки, дрожали на темной воде. Потом дорога стала темнее, туман сгустился, водитель сбавил скорость. Фары высвечивали перед ними плотную стену тумана, которая будто отступала под натиском автомобиля. Шевек сидел, чуть наклонившись вперед и глядя перед собой. Взор его не был, впрочем, сосредоточен на чем-то конкретном, как и мысли, хотя выглядел он довольно мрачным и очень напряженным; остальные переговаривались вполголоса, уважая его молчание.

Что являла собой та плотная темная полоса, что непрерывно тянулась, скрытая туманом, вдоль дороги? Может быть, деревья? Неужели с тех пор, как они выехали из города, они едут среди деревьев? В голову пришло чужое слово «лес». Вряд ли они могли прямо из столицы попасть в пустыню. Деревья стеной обступали дорогу с обеих сторон – на следующем спуске с холма и на следующем подъеме; вокруг них в тумане шумел и покачивался лес, сплошь покрывавший всю планету; и в этом лесу, где-то в самой его глубине, замерла в ожидании иная жизнь, множество жизней, множество живых существ, живая темная листва, шелестящая на ночном ветерке... Шевек сидел, погруженный в собственные мысли без остатка, когда машина вдруг вынырнула из окутывавшего речную долину тумана, и на него из темноты, из придорожных кустов, впервые на мгновение глянуло чье-то лицо.

Лицо не было похоже на человеческое. Очень длинное, с его руку до плеча, и белое, как у призрака. Из отверстий, видимо служивших существу носом, вылетали облачка пара, и еще там – это впечатлило его больше всего, хотя ошибиться он не мог! – был глаз! Огромный, темный, печальный. А может, циничный... Увиденный мгновенно в свете фар.

– Кто это? – спросил потрясенный Шевек.

– Осел, по-моему, а что?

– Животное?

– Ну да, животное. Господи! У вас ведь там крупных животных вообще нет, верно? Я и забыл!

– Осел – это вроде лошади, – пояснил кто-то еще.

И третий человек авторитетно заключил:

– Между прочим, это и была лошадь. Таких крупных ослов не бывает!

Им хотелось поговорить с ним, но Шевек их уже не слушал. Он думал о Таквер. Интересно, что бы она прочла в мимолетном и глубоком взгляде темного глаза неведомого существа? Она была уверена, что все живое связано между собой, и наслаждалась идеей своего родства с рыбами в лабораторных аквариумах, точно пыталась обрести опыт существования вне своей человеческой сущности. Таквер сразу поняла бы, что и как ответить этому глазу, глянувшему из темноты под деревьями...

– Впереди Йе Юн. Там вас ожидает целая толпа встречающих, доктор Шевек, в том числе президент и несколько директоров, а также, разумеется, канцлер и прочие руководящие лица государства. Но если вы устали, то со всеми церемониями мы постараемся покончить как можно быстрее.

С церемониями покончили через несколько часов. Потом Шевек так и не смог как следует припомнить, что же они собой представляли. Его буквально вынесло из маленькой темной коробки – их автомобиля – в значительно большую, просто огромную и ярко освещенную коробку, полную людей. Их там были сотни – в помещении с золотистым потолком и хрустальными светильниками. Его представили всем по очереди. Все уррасти были ниже его ростом и почему-то лысые. Даже женщины, которых было совсем немного. Он не сразу догадался, что они, видимо следуя здешнему обычаю или моде, начисто сбрасывают со своих тел и голов всякую растительность – мягкие, пушистые волосы, свойственные его расе. Отсутствие волос они заменяли великолепной одеждой, самых разнообразных цветов и покроя. Женщины были в длинных платьях до пола; груди практически обнажены, а талия, шея и голова украшены драгоценностями и кружевами. Мужчины были в брюках и пиджаках или мундирах красного, синего, фиолетового, золотого, зеленого цвета; из разрезов на рукавах выглядывали пышные кружева. Некоторые мужчины были одеты в долгополые камзолы алого, темно-зеленого или черного цвета, из-под которых виднелись белые чулки на серебряных подвязках. Еще одно слово из языка йотик всплыло в памяти Шевека – он им практически никогда не пользовался, хотя ему очень нравилось, как оно звучит: «великолепие». Эти люди действительно были великолепны. Произносили великолепные речи. Президент, человек со странными холодными глазами, предложил великолепный тост: «За начало новой эры братских отношений между нашими планетами-близнецами и за предвестника этой эры, нашего дорогого и высокопочтимого гостя, доктора Шевека с планеты Анаррес!» Президент Университета разговаривал с Шевеком очаровательно; председатель Совета директоров разговаривал с ним серьезно. Затем Шевек был представлен послам, космонавтам, физикам, политикам – десяткам людей, каждый из которых являлся обладателем длинного титула и множества регалий, причем почетные титулы следовали как до их собственного имени, так и после него; все они что-то говорили Шевеку, и он что-то им отвечал, однако же потом совершенно не помнил, что говорил хотя бы один из них, и хуже всего помнил, что именно говорил он сам. Глубокой ночью он обнаружил, что идет в сопровождении небольшой группы людей под теплым дождиком через какой-то парк или сквер. Под ногами приятно пружинила живая трава: ощущение было знакомым – он вспомнил, как ходил по траве в Треугольном парке в Аббенае. Это ожившее воспоминание и быстрое прохладное прикосновение ночного ветерка пробудили его. Душа выползла наконец из той норы, где пряталась все последнее время.

Сопровождавшие Шевека люди привели его в какое-то помещение, в «его», как они объяснили, комнату.

Комната была очень большая, метров десять в длину, и не разделена никакими перегородками или ширмами.

Те трое мужчин, что по-прежнему оставались при нем, были, видимо, его соседями. Комната была очень красивая; одна стена у нее почти сплошь состояла из окон, каждое из которых было отделено от соседнего изящной колонной, разветвлявшейся наверху, точно дерево, образуя над самым окном легкую арку. На полу лежал темно-красный ковер, а в дальнем конце комнаты в открытом очаге горел огонь. Шевек пересек комнату и остановился у огня. Он никогда еще не видел камина, не видел, чтобы деревья сжигали ради тепла, однако удивляться у него уже не было сил. Он протянул руки к благодатному теплу и присел у камина на скамью из полированного мрамора.

Самый молодой из сопровождавших Шевека людей тоже сел у огня напротив него. Остальные двое все еще о чем-то увлеченно беседовали – речь шла о физике, но Шевек даже не пытался вникнуть в суть их рассуждений. Молодой человек напротив тихо спросил:

– Интересно, что вы сейчас чувствуете, доктор Шевек?

Шевек вытянул ноги и наклонился вперед, чтобы тепло очага коснулось и его лица.

– Тяжесть, – сказал он.

– Тяжесть?

– Ну, возможно, силу тяжести. Собственный вес. А может, просто устал.

Он взглянул на своего собеседника, но в отблесках пламени лицо молодого человека видно было неясно, лишь сверкала золотая цепь у него на шее да рубиново светилась нарядная блуза.

– Простите, я не знаю, как вас зовут...

– Сайо Пае.

– Да, конечно! Пае! Я прекрасно знаю ваши работы о Парадоксе. – Слова почему-то давались ему с трудом, и говорил он точно во сне.

– Здесь есть один бар... – сообщил Пае. – Преподаватели и аспиранты имеют право покупать спиртное в любое время. Не хотите ли чего-нибудь выпить, доктор Шевек?

– С удовольствием! Воды.

Молодой человек исчез и вскоре появился вновь со стаканом воды в руке. Остальные двое также присоединились к ним у камина. Шевек жадно выпил воду и продолжал сидеть, тупо уставившись на пустой стакан в руке – хрупкую, изящной формы вещицу, в золотом ободке которой дрожали отблески пламени. Он каждой клеточкой своего существа ощущал, как относятся к нему эти трое – покровительственно, уважительно. Собственнически.

Он поднял голову и по очереди посмотрел на каждого. Все выжидающе глядели на него.

– Ну что ж, вот вы меня и заполучили, – сказал он и улыбнулся. – Заполучили своего анархиста? Ну и что же вы намерены со мной делать?

2

Анаррес

В квадратном окне, прорубленном высоко в белой стене, виднелось только ясное синее небо. И в самом центре этого синего квадрата – солнце.

В комнате было одиннадцать малышей, в основном по двое – по трое рассаженных в мягкие просторные «манежи», где они сейчас дремали, навозившись всласть. «На свободе» оставались лишь двое самых старших – один, пухленький, спокойный, активно обследовал вешалку, второй, светловолосый, задумчивый, большеголовый, сидел в квадрате солнечного света и внимательно следил за солнечным лучом. В прихожей почтенная седовласая матрона с единственным зрячим глазом беседовала с высоким печальным мужчиной лет тридцати, который рассказывал ей, что мать их ребенка получила назначение в Аббенай и хочет, чтобы мальчик остался здесь.

– Так, может, пусть он здесь и ночует? А, Палат? – спросила женщина.

– Да, наверное, так будет лучше. Сам-то я в общую спальню переезжаю.

– Ничего, не волнуйся. Тут ему все знакомо, он ничего и не заметит. Мне кажется, в Центре по распределению труда и тебе вскоре подыщут назначение в Аббенай. Вы ведь с Рулаг партнеры и оба хорошие инженеры...

– Да, но она... Понимаете, в ней лично заинтересован Центральный институт инженерных исследований. А я, видимо, для них не гожусь... Рулаг предстоит большая работа...

Матрона с понимающим видом кивнула и вздохнула.

– Даже если это и так... – начала было она энергично и тут же смолкла.

Взгляд мужчины остановился на большеголовом малыше, который отца пока не заметил: слишком занят был созерцанием солнечного луча. Толстячок тем временем успел подобраться к нему; двигался он довольно неуклюже: он описался и ему мешал мокрый и тяжелый подгузник. Вообще-то, он подполз к товарищу просто от скуки, желая поиграть, но, оказавшись в квадрате солнечного света и почувствовав тепло, он тяжело плюхнулся на пол рядом с худеньким большеголовым малышом и вытеснил того в тень.

Созерцательное восхищение, владевшее до сей поры светловолосым мальчиком, тут же сменилось гневом. С яростным воплем «Уходи!» он решительно оттолкнул толстячка.

Воспитательница тут же вмешалась, сделав большеголовому замечание:

– Нельзя толкаться, Шев.

Светловолосый мальчик встал. Лицо его пылало от солнца и возмущения. Ползунки сползли с плеч и чуть не падали на пол.

– Мое! – заявил он пронзительным, звенящим голоском. – Мое солнышко!

– Не твое, – спокойно и уверенно возразила воспитательница. – Ничего твоего тут нет. Тут все общее, для всех. И солнышко для всех. Солнышком со всеми нужно делиться. А если не будешь делиться, то и сам не сможешь пользоваться. – И она, подхватив светловолосого малыша, мягко, но решительно усадила его на пол довольно далеко от солнечного пятна.

Толстячок равнодушно наблюдал за происходящим. Зато большеголового такая несправедливость потрясла до глубины души.

– Мое солнышко! – возмутился он и разразился гневными слезами.

Отец взял его на руки и сказал:

– Ну ладно, Шев, успокойся, хватит. Ты же знаешь, что нельзя все забирать себе. Да что с тобой такое? – Голос у него был тихий и чуть дрожал, словно он и сам с трудом сдерживал слезы, а уж его худенький, высокий, светловолосый сынишка ревел вовсю.

– Некоторым все в жизни непросто дается, – сочувственно вздохнула старая женщина, глядя на них.

– Можно я его прямо сейчас домой возьму? Понимаете, наша мама сегодня вечером уезжает...

– Конечно бери. Надеюсь все же, что вскоре и ты получишь назначение в Аббенай, вот вы снова и будете все вместе. – Воспитательница подхватила толстячка с пола и привычным движением пристроила себе на бедро. Лицо ее было печальным, однако единственный глаз весело подмигнул большеголовому малышу. – До свидания, Шев, дорогой мой! Завтра утром придешь, и мы с тобой в грузовик и шофера поиграем, хорошо?

Но мальчик еще не простил ей обиды и на нее даже не посмотрел. Он рыдал, прижимаясь к отцу, обхватив его за шею и пряча лицо от солнышка, так несправедливо у него отнятого.

* * *

В тот день для репетиции оркестру понадобилась вся сцена, танцевальная группа скакала в зале учебного центра, и той небольшой группе, что занималась развитием речи, то есть училась говорить и слушать других, пришлось перебраться в мастерскую, где дети расселись кружком прямо на полу. Первым выступать вызвался восьмилетний малыш, долговязый, с длинными руками и ногами. Он стоял, вытянувшись в струнку, – так прямо обычно держатся только физически крепкие и здоровые дети. Его не определившееся еще личико сперва чуть побледнело от волнения, потом вспыхнуло румянцем. Он выжидал, когда остальные успокоятся и будут готовы его слушать.

– Ну, Шевек, начинай, – сказал преподаватель.

– У меня есть одна идея...

– Громче, – велел ему преподаватель, коренастый молодой человек лет двадцати с небольшим.

Мальчик растерянно улыбнулся:

– Видите ли, я вот что подумал... Скажем, вы кидаетесь камнями. В дерево, например. Кинули камень, и он должен долететь и удариться о дерево. Правильно? Но в том-то и дело, что долететь он не может! Потому что... Можно мне взять грифельную доску? Смотрите: вот вы, а вот дерево, – он быстро чертил на доске, – ну, то есть как будто дерево, а вот камень – видите? – на середине пути от вас к дереву? – Дети захихикали, поскольку Шевек довольно похоже изобразил смешное дерево-холум, и он тоже улыбнулся. – Чтобы попасть в дерево, камень должен был сперва пролететь это расстояние, верно? А потом еще лететь и оказаться на середине следующего отрезка пути, то есть вот здесь. Получается, что не важно, как далеко камень уже пролетел, – всегда найдется такая точка, где значение имеет только время, проведенное им в полете, и точка эта всегда находится посередине отрезка, заключенного между последней точкой на пути камня к дереву и конечной, то есть самим деревом...

– Ты считаешь, что нам это интересно? – прервал его преподаватель, обращаясь не к Шевеку, а к остальным детям.

– А почему все-таки камень никак не может долететь до дерева? – спросила девочка лет десяти.

– Потому что ему всегда остается пролететь еще как бы вторую половину оставшегося пути, – сказал Шевек. – Она ему всегда еще как бы предстоит... поняла?

– А может, ты попросту не слишком хорошо прицелился? – с натянутой улыбкой спросил преподаватель.

– Это не важно, как прицелиться! Камень просто не может долететь до цели, вот и все.

– Кто тебе это сказал?

– Никто. Я вроде бы сам это увидел. По-моему, на самом деле камень...

– Довольно.

Остальные дети, до того спорившие и болтавшие, почему-то вдруг притихли. Светло-волосый мальчик умолк, вид у него был испуганный и обиженный.

– Речь – это процесс взаимный, искусство общения, искусство сотрудничества. А ты хочешь говорить один, то есть проявляешь обыкновенный эгоизм.

Из зала, где репетировал оркестр, доносилась негромкая веселая музыка.

– Кроме того, хотя сам ты этого пока не понимаешь, ты вовсе не вдруг и не случайно до всего этого «додумался». Я, например, читал нечто очень похожее в одной книжке...

Шевек так и впился в него взглядом:

– В какой? А она здесь есть?

Преподаватель не выдержал и вскочил. Он был в два раза выше и в три раза тяжелее своего оппонента; по лицу его было явственно видно, что он этого мальчишку терпеть не может, однако угрозы в его поведении не чувствовалось – всего лишь желание поддержать свой авторитет, слегка поколебленный раздраженной реакцией на странные речи малыша.

– Нет! Здесь ее нет! И перестань думать только о себе! – Он сдержался и сказал уже спокойнее, «менторским» тоном: – Вот вам, дети, пример того, чем мы совершенно не должны заниматься на уроках по развитию речи. Речь – это прежде всего взаимный обмен, а Шевек пока не готов понять это, как и большинство из его сверстников из младшей группы, потому присутствие его на наших уроках крайне нежелательно, ибо нарушает нормальный учебный процесс. Ты ведь и сам это чувствуешь, Шевек, верно? Я бы предложил тебе поискать другое занятие, более соответствующее твоему теперешнему уровню развития.

Больше никто не сказал ни слова. Тишина, нарушаемая лишь звуками музыки из зала, тяжело повисла в мастерской. Шевек отдал преподавателю грифельную доску, выбрался из круга учеников и вышел в коридор. Закрыв за собой дверь, он остановился и услышал, как дети принялись под руководством преподавателя излагать по очереди только что выдуманную дурацкую историю с продолжением. Шевек прислушался к оглушительным ударам своего сердца; в ушах у него звенело – но это были вовсе не звуки цимбал: так всегда звенит в ушах, когда очень стараешься не заплакать; он это уже несколько раз за собой замечал. Ему этот звон был неприятен; и думать о том камне и дереве тоже не хотелось, так что он постарался переключиться на мысли о своем излюбленном Квадрате. Он был сделан из одних чисел, а числа всегда такие спокойные и надежные. Когда Шевек находился в затруднительном положении, он всегда мог уйти в мир цифр и чисел – уж они-то недостатков не имели. Впервые он представил себе этот Квадрат уже довольно давно; ему казалось, что Квадрат занимает то же место в пространстве, что музыка – во времени. Квадрат был красивый, из девяти первых интегралов с цифрой «5» в центре. И сколько ни прибавляешь ряды цифр, все равно в итоге выходит то же самое. Все неравенства каким-то образом обретали решение. Любо-дорого глядеть! Ах, если бы попасть в такую группу, где всем интересно говорить о числах! Но в учебном центре всего двум-трем ученикам старших классов фокусы с числами были действительно интересны, однако у старшеклассников было много других занятий... И все-таки что это за книга, о которой упомянул преподаватель? А вдруг она вся посвящена числам? Может быть, в ней найдется объяснение, как этому дурацкому камню долететь до дерева? Глупо он все-таки поступил, рассказав эту шуточную задачку про камень и дерево! Никто даже не понял, что это шутка! Преподаватель прав: он думал только о себе. Голова у него разболелась. И он снова стал думать о числах, о тихом мире цифр.

Если бы нашлась книга, целиком состоящая из чисел, это была бы самая правдивая книга на свете! И самая справедливая. Потому что мысли, выраженные с помощью слов, никогда полностью не соответствуют действительности, получаются какими-то перекрученными, налетают друг на друга, толкаются, вместо того чтобы соответствовать друг другу и идти стройными рядами. Хотя там, в глубине, под этими словами, как и в центре того Квадрата, все ровно и правильно, как и должно быть. Если вместо слов использовать цифры, ничего не было бы

при этом потеряно. Если способен сквозь цифры понимать законы чисел, легко поймешь и системы уравнений, и весь дальнейший путь... Поймешь основы мира. А они очень надежны. Как цифры.

* * *

Шевек давно научился ждать. Стал прямо-таки первоклассным специалистом по ожиданию. Сперва он постиг это искусство, ожидая свою мать Рулаг, – она уехала так давно, что он этого уже и не помнил. Еще более отточенным искусство ожидания стало, когда он ждал своей очереди, своей доли, своей возможности разделить ее – с кем-то. В возрасте восьми лет он спрашивал: «Как? Почему? А что, если?..» Но очень редко спрашивал: «Когда?»

Он ждал, когда за ним придет отец, чтобы забрать его «домой». Ждать приходилось долго: шесть декад. Палат согласился на временную работу в ремонтной бригаде по обслуживанию водоочистой установки в горном массиве Драм, после чего намерен был провести десять дней на пляжах в Маленнине – плавать, загорать и заниматься сексом с женщиной по имени Пипар. Все это он серьезно объяснил своему сынишке. Шевек ему верил, и Палат заслуживал этого доверия. Прошли долгие шестьдесят дней ожидания, и он появился в спальне детского интерната «Широкие Долины» – высокий, худой, с печальными глазами. Еще более печальными, чем всегда. Занятия сексом не принесли ему радости. Для этого ему нужна была Рулаг, но ее с ним не было. Увидев сына, Палат улыбнулся и сморщился, будто от боли: Шевек был очень похож на мать.

Им нравилось бывать вместе.

– Палат, а ты видел когда-нибудь такие книжки, в которых были бы только цифры?

– Что ты имеешь в виду? Книжки по математике?

– Наверное.

– Вот такие?

Палат вытащил из кармана куртки маленькую книгу. Она, как и большая часть книг на Анарресе, была в зеленом переплете с Кругом Жизни посередине и набрана очень мелким шрифтом, с крайне узкими полями: бумага в их мире исключительно ценилась; за нее приходилось расплачиваться множеством срубленных деревьев-холум и огромным количеством человеческого труда. Так любил повторять библиотекарь из учебного центра, если случайно испортишь страницу и просишь у него новую тетрадку. Палат раскрыл книжку и протянул ее Шевеку. На развороте были лишь столбцы цифр. В точности как ему и мечталось! Вот оно, соглашение о вечной справедливости! «Таблицы корней и логарифмов» – так гласил заголовок над Кругом Жизни.

Мальчик некоторое время внимательно изучал первую страницу.

– А для чего они? – спросил он; эти столбцы цифр явно были здесь не просто для красоты.

Его отец-инженер, сидя с ним рядом на жестком диване в холодной, плохо освещенной гостиной интерната, с готовностью принялся объяснять, что такое логарифмы. Два старика на другом конце комнаты кудахтали от смеха над игрой «Попробуй догони!». Вошли двое подростков-старшеклассников, спросили, свободна ли сегодня отдельная комната, и направилась прямо туда. Дождь замолотил было по металлической крыше одноэтажного здания, но быстро перестал. Дождь здесь никогда не шел долго. Палат вытащил свою логарифмическую линейку и показал Шевеку, как ею пользоваться; а Шевек зато изобразил ему свой Квадрат и рассказал о принципе его организации. Было уже очень поздно, когда оба заметили это. Потом они бежали в наполненной чудесными запахами дождя темноте по скользкой земле к корпусу младшеклассников и получили для порядка небольшой выговор от дежурной. Палат и Шевек быстро обнялись, поцеловались, вздрагивая от сдерживаемого смеха, и мальчик бросился к

окну в своей огромной спальне, откуда ему хорошо было видно, как отец шагает по темноватой и единственной улице Широких Долин – прямо по блестящим в свете редких фонарей лужам.

Мальчик нырнул в постель прямо с грязными ногами и сразу заснул. Ему снилось, что он идет по дороге через пустыню и далеко впереди видит какую-то линию, пересекающую дорогу. Вблизи оказывается, что это стена, раскинувшаяся от горизонта до горизонта, высокая и прочная. Здесь дорога кончалась.

Он должен был идти дальше, но стена преграждала ему путь. В душе рос болезненный сердитый страх. Он должен идти дальше, иначе он никогда не сможет вернуться домой! Но стена стояла незыблемо.

Он колотил по ней кулаками, что-то гневно орал, но вместо слов изо рта вылетало какое-то странное карканье. Испуганный этим, он присел у стены на корточки и тут услышал чей-то голос: «Смотри...» Это был голос отца, и вроде бы мать его, Рулаг, тоже была где-то рядом, только ее он не видел (ведь он совсем не помнил ее лица). Оказалось, что Рулаг и Палат стоят на четвереньках в темноте под самой стеной и выглядят почему-то гораздо крупнее и неповоротливее остальных людей; и вроде бы они вообще не люди... Оба указывали ему пальцем куда-то вниз, на землю, – там, в отвратительной грязи, где даже не росло ничего, лежал камень. Он был такой же темный, как стена, но то ли на нем, то ли внутри его светилась какая-то цифра; «5», подумал Шевек сперва, потом решил, что «1», потом понял, что это такое, – совершенное множество. «Это краеугольный камень», – подтвердил чей-то знакомый и дорогой голос, и Шевета охватила пронзительная радость. В густой тени, как оказалось вдруг, никакой стены уже не было, и он понял, что вернулся назад, домой!..

Потом он так и не смог вспомнить всех подробностей этого сна, но то пронзительное ощущение радости не забылось. Никогда он не испытывал ничего подобного – так уверенно этот сон утверждал Постоянство: все равно что посмотреть на источник света, который горит ровно и никогда не гаснет. Шевек считал, что это вообще никакой не сон, хотя, безусловно, спал и вроде бы видел все во сне. Вот только, несмотря на ощущение бесконечной надежности, которое давал сон, он туда снова вернуться не мог – не помогло бы ни страстное желание, ни самые решительные поступки. Он мог только вспоминать об этом видении. Когда же ему снова снилась та стена, а это с ним случалось довольно часто, то эти сны были удивительно мрачные и никакого исхода, никакого решения не содержали.

* * *

Они узнали слово «тюрьма» из «Жизни Одо», которую все в их «исторической» группе тогда читали. В книге было много неясного, а в Широких Долинах не нашлось ни одного приличного историка, способного разъяснить детям непонятные места. Впрочем, когда они добрались до описания жизни Одо в крепости Дрио, понятие «тюрьма» стало более или менее ясным. А когда обслуживавший сразу несколько учебных центров большого района преподаватель истории заехал наконец в их городок, он отвечал на их вопросы с такой неохотой, с какой благовоспитанные взрослые вынуждены бывают разъяснять детям значение того или иного неприличного слова. Да, сказал он, тюрьма – это такое место, куда Государство помещает людей, которые не подчинились его Законам. А почему эти люди не могут уйти оттуда? Из тюрьмы уйти нельзя, там все двери заперты. Заперты? Да, как запирают дверцы грузовика на ходу, чтобы ты оттуда не выпал, глупый! Но что же они там делают, в этой тюрьме, находясь все время в одной и той же комнате? Ничего. Там нечего делать. Вы же видели на картинках, как жила Одо в тюремной камере в Дрио? Да, они видели: смиренно поникшая седая голова, стиснутые руки, застывшая в неподвижности человеческая фигурка среди мрачных теней, мечущихся по стенам... Иногда заключенных, правда, приговаривают к принудительным работам. Приговаривают? Ну, это означает, что судья – тот человек, которого Закон облакает особой

властью, – приказывает им выполнять ту или иную тяжелую физическую работу. Приказывает? А если они не захотят? Тогда их заставят силой или даже побьют, если будут упорствовать... Дети напряженно застыли: потрясение было слишком велико! И как внимательно они слушали, одиннадцати-двенадцатилетние дети, ни один из которых никогда в жизни не получил даже шлепка и никогда не видел, чтобы били других, если не считать обычных детских потасовок и «выяснения отношений».

Но самый главный вопрос, который не давал покоя всем, задал Тирин:

– Вы хотите сказать, что целая куча людей способна была избить одного человека?

– Именно так.

– Почему же другие их не останавливали?

– У тюремной стражи всегда есть оружие. А у заключенных его нет, – сказал учитель истории. Он был чрезвычайно смущен: его вынуждали говорить о совершенно отвратительных вещах!

Их тогдашняя компания составила по сходному упрямству характеров. В нее входили Тирин, Шевек и еще трое мальчишек. Девочек они не принимали, хотя и сами не смогли бы объяснить почему. Тирин отыскал идеально подходящую «тюрьму» – под левым крылом учебного центра. В этой норе можно было только сидеть или лежать. С трех сторон ее «стены» были образованы пересечением бетонных фундаментов, а сверху были перекрытия пола. Единственную открытую сторону запросто можно было закрыть тяжелой плитой из «пенного камня». Но ведь дверь в тюрьме полагалось ЗАПИРАТЬ. Следуя экспериментальным путем, они обнаружили, что если подпереть плиту снаружи клиньями, то изнутри ее ни за что не откроешь.

– А как же свет?

– Никакого света! – возмутился Тирин. О таких вещах он всегда говорил уверенно и авторитетно: его богатое воображение позволяло ему проникнуть в самую их суть, дело было даже не в имевшихся под рукой фактах. – В той крепости, в Дрио, узников держали в темноте годами.

– Ну а дышать чем? – спросил Шевек. – Эта плита слишком плотно закрывает проход. В ней нужно хотя бы дырку проделать.

– Чтобы проделать дырку в такой плите, знаешь сколько часов понадобится? И вообще, кто это станет сидеть в тюрьме так долго, чтоб ему воздуха не хватило?

В ответ последовал целый хор возражений – желающими «посидеть в тюрьме» оказались почти все.

Тирин с сомнением посмотрел на приятелей:

– Психи вы, и больше ничего! Неужели кому-то из вас на самом деле хотелось бы попасть в такую ловушку? И для чего? – Вообще-то, именно он придумал построить «тюрьму», однако самого строительства было с него более чем достаточно; он совершенно не понимал, почему нельзя просто вообразить себя узником и почему все непременно стремятся сами залезть в эту нору и попробовать открыть изнутри запертую, неоткрывающуюся дверь.

– Я хочу понять, на что это похоже, – сказал двенадцатилетний Кадагв, широкоплечий серьезный мальчик, признанный авторитет среди остальных.

– Да ты подумай башкой-то! – разъярился Тирин, но Кадагва дружно поддержали почти все.

Шевек притащил из мастерской сверло, и они просверлили двухсантиметровое отверстие в «двери» примерно на высоте носа. Это отняло у них целый час, как и предсказывал Тирин.

– Как долго ты хочешь там оставаться, Кад?

– Послушай, – сказал Кадагв, – если я узник, то сам я этого решить никак не могу. Я же не свободен. Это вы должны решать, когда меня выпустить.

– Верно. – Шевеку подобная логика показалась убедительной.

– Только ты не слишком долго сиди, Кад, мне тоже хочется! – сказал самый младший из их компании, Гибеш.

«Заключенный» ответом его не удостоил. Он вошел, точнее, заполз в свою темницу, «дверь» приподняли, с грохотом опустили и подперли клиньями снаружи. Четверо «тюремщиков» делали все с огромным энтузиазмом. Потом они сгрудились у вентиляционного отверстия, пытаясь увидеть «узника», однако внутри была непроницаемая тьма.

– Эй, не высасывайте у него из камеры весь воздух!

– Лучше вдуньте туда немного!

– Нет, лучше ты ему в эту дырочку пукни!

– Ну и сколько он у нас там будет сидеть?

– Час.

– Нет, три минуты!

– Пять лет!

– Ладно, хватит. До отбоя у нас четыре часа. Этого вполне достаточно.

– А я тоже хочу посидеть в тюрьме!

– Хорошо, мы его выпустим, а тебя туда на всю ночь посадим.

– Нет уж! Я лучше завтра!

Через четыре часа они вытащили клинья и выпустили Кадагва на свободу. Он вышел оттуда столь же невозмутимым, каким вошел туда, и сказал только, что очень хочет есть и что, вообще-то, ничего особенного: большую часть времени он просто проспал.

– Неужели снова туда полез бы? – поддразнил его Тирин.

– Запросто.

– Нет, второй я...

– Заткнись, Гиб. Ну так что, Кад? Сядешь снова в тюрьму, если мы тебе не скажем, когда в следующий раз выпустим?

– Запросто.

– И есть просить не будешь?

– Вообще-то, заключенных кормят, – вмешался Шевек. Это тоже было одно из непонятных мест в «истории с тюрьмой».

Кадагв пожал плечами. Его высокомерие и мужественное спокойствие были просто невыносимы!

– Эй, – обратился Шевек к двум младшим мальчикам, – слетайте-ка на кухню да попросите там что осталось и воды в бутылку налейте. – Потом он повернулся к Кадагву. – Мы тебе целый мешок еды с собой дадим, так что можешь торчать в этой норе, пока не надоест.

– Пока ВАМ не надоест, – поправил его Кадагв.

– Ладно, договорились. А ну на место! – Самоуверенность Кадагва вызвала в Тирине желание подыграть ему; Тирин вообще обладал задатками актера-сатирика. – Ты ведь заключенный? Так что не смей возражать! Ясно? А ну повернись! Руки на голову!

– Это еще зачем?

– Хочешь вылететь из игры?

Кадагв мрачно глянул на него.

– Ты не имеешь права спрашивать тюремщиков. А если будешь упрямяться, так мы тебя и побить можем. Ты должен просто принимать все как должное, в тюрьме тебе никто не поможет. И даже если мы тебе яйца отобьем, ты нам ответить не сможешь. Потому что ты не свободен. Ну что, все еще хочешь в тюрьму?

– Конечно. Давай, ударь меня.

Тирин, Шевек и «заключенный» стояли лицом к лицу в странных застывших позах; стало уже темно, лишь слабо светил фонарь неподалеку; тяжелые бетонные стены высокого фундамента окружали их с трех сторон.

Тирина лукаво усмехнулся:

– Ты мне не советуй, что делать, везунчик. Заткнись лучше и полезай в свою нору! – И когда Кадагв послушно повернулся и полез в нору, Тирин изо всех сил толкнул его обеими руками в спину.

Кадагв упал на четвереньки и глухо вскрикнул – то ли от удивления, то ли от боли – и сел, прижимая к груди руку и засунув в рот палец, который, похоже, вывихнул. Шевек и Тирин молчали. Они, изобразив на лице полное равнодушие, играли роль «тюремщиков». Вот только обоим уже казалось, что скорее это роль «играет» ими. Младшие мальчики притащили хлеба из плодов дерева-холум, дыню и бутылку воды; по дороге они, видимо, все время болтали, однако, приблизившись к «тюрьме», тут же смолкли: окутывавшая это место странная тишина подействовала и на них. Пищу и воду просунули внутрь, дверь «заперли» с помощью клиньев. Кадагв остался один в кромешной темноте. Остальные собрались у фонаря. Гибеш прошептал:

– А писать ему где же?

– Туда же, в постельку, – язвительно ответил Тирин.

– А если ему по-большому захочется? – не унимался Гибеш, потом вдруг ойкнул и пронзительно расхохотался.

– И что ты в этом такого смешного нашел?

– Я представил, как он... ведь там совсем темно, он ничего не видит... – Гибеш так и не смог ничего объяснить – вся компания вдруг залилась диким хохотом с подвываниями. Они смеялись, пока хватало воздуха, отлично зная, что «узник» слышит их ржание.

Давно миновал час отбоя, даже взрослые по большей части уже легли спать, хотя на территории интерната кое-где еще горели огни. Улица была пуста. Мальчишки со смехом и громкими криками прошли по ней, будто опьянев от осознания своей общей тайны и радуясь, что мешают спать всем остальным, что нарочно делают гадости. Они перебудили половину детей в своем корпусе, устроив в спальнях игру в салки прямо среди кроватей. Никто из взрослых не вмешивался; вскоре безумие улеглось само собой.

Тирина и Шевек еще долго сидели вместе и о чем-то шептались. Оба решили, что Кадагв сам попросился, вот пусть теперь и посидит в тюрьме полных двое суток.

Когда в полдень они встретились у мастерской по вторичной переработке древесины и мастер спросил, где Кадагв, Шевек быстро глянул на Тирин и ничего не ответил. Он чувствовал себя чрезвычайно умным и хитрым. Но Тирин холодно ответил мастеру, что Кадагв, должно быть, временно перешел в другую группу. Шевек был потрясен этой спокойной ложью. От тайной власти над кем-то ему было не по себе: ноги чесались, уши горели. Когда мастер спустя некоторое время заговорил с ним, он даже вздрогнул; его терзала какая-то неведомая тревога, страх, а может, еще что-то – он никогда не испытывал ничего подобного прежде; отчасти это было похоже на смущение, но только гораздо хуже: что-то очень плохое было внутри, в глубине души... Он все время думал о Кадагве, шпаклюя и зашлифовывая песком дырки от гвоздей, оставшиеся в досках из древесины холум, и изгнать несчастного «узника» из собственных мыслей оказалось ему не под силу. Это было просто ужасно!

Гибеш, стоявший на часах после обеда, сообщил Тирину и Шевеку с виноватым видом:

– По-моему, Кад там что-то говорил... И голос у него был такой странный!..

Воцарилось молчание. Потом Шевек сказал:

– Сейчас мы его выпустим.

– Да брось ты, Шев, не будь сентиментальной девчонкой! Нечего тут альтруизм разводить! – возмутился Тирин. – Пусть отсидит свое! Посмотрим, как он потом воображать будет!

– Никакого альтруизма я не развожу! Я, черт побери, снова себя уважать хочу, – огрызнулся Шевек и бегом бросился к учебному центру.

Тирин слишком хорошо его знал, а потому времени на споры тратить не стал и побежал следом. Младшие, одиннадцатилетние, тоже поспешили. Ребята стремительно нырнули под фундамент, Шевек вышиб один клин, Тирин – другой, «дверь» с глухим стуком упала наружу...

Кадагв лежал на земле, свернувшись клубком. Потом сел, встал на четвереньки и выполз наружу. Он как-то странно жался к земле и все время щурился. Впрочем, выглядел он вроде бы как обычно. Вот только запах, который вырвался из «тюрьмы» с ним вместе, был поистине ужасен. Отчего-то у Кадагва начался понос, за ночь совершенно его измучивший, и в «темнице» творилось нечто невообразимое. На рубашке Кадагва виднелись отвратительные желтоватые фекальные потеки. Увидев их при свете фонаря, он попытался было прикрыть позорные следы руками, но никто ничего ему не сказал.

Когда они, выбравшись из-под дома, направлялись кружным путем к своей спальне, Кадагв спросил:

- Сколько времени я там пробыл?
- Около тридцати часов, включая первые четыре.
- Довольно много, – сказал Кадагв не слишком убежденно.

Доставив Кадагва в ванную, Шевек едва успел добежать до уборной, где его буквально вывернуло наизнанку. Спазмы не прекращались минут пятнадцать. Он весь дрожал, ноги были как ватные. Наконец рвота прекратилась. Умывшись, Шевек пошел в общую комнату и немного посидел там, проглядывая книжки по физике, спать он лег довольно рано. Больше никто из пятерых мальчишек и близко не подходил к «тюрьме». И никто ни разу не заговорил о случившемся; только Гибеш как-то расхвастался перед старшеклассниками, но те даже не поняли, о чем он говорит, и Гибеш, спохватившись, сам сменил тему.

* * *

Высоко в небе над Северным региональным институтом благородных и естественных наук стояла луна. Четверо юношей лет пятнадцати-шестнадцати сидели на вершине холма среди раскидистых лап стелющегося дерева-холум и смотрели то вниз, на институт, то вверх, на сияющую луну.

- Смешно, – сказал Тирин, – а раньше я никогда не думал...

Тут же последовали насмешливые комментарии остальных по поводу очевидности этого утверждения.

– Я никогда не думал, – продолжал как ни в чем не бывало Тирин, – что и там, на Урресе, в такой вот вечер могут сидеть на вершине холма какие-то люди, смотреть на наш Анаррес и говорить при этом: «Ах, какая сегодня луна!» Наша планета для них – луна, а для нас луна – их родная планета.

- Ну и где здесь Истина? – уронил невозмутимый Бедап и зевнул.
- Что на вершине холма всегда кто-то сидит! – ответил Тирин.

Они продолжали смотреть на бирюзовую луну, сияющую в небесах, уже не совсем круглую – полнолуние миновало сутки назад. Арктическая ледяная шапка на Урресе слепила глаза.

– Сейчас там, на севере, солнечно, – сказал Шевек. – А вон то коричневое пятно – это А-Йо.

– Где они валяются голышом на пляжах, – подхватил Кветур, – подставив солнышку украшенные бриллиантами пупки и лысые головы.

Последовало молчание.

Сюда, на вершину холма, они пришли исключительно ради мужской компании. Присутствие девушек действовало на них пока что подавляюще. Порой им вообще начинало казаться, что вокруг одни девушки. Куда ни посмотришь – девушки; даже во сне они видели девушек! Все они уже успели попробовать себя в искусстве плотской любви, и теперь кое-кто от отчая-

ния пытался никогда более этого не пробовать. А результат был, как ни крути, один: девушки никуда из их жизни не девались.

Три дня назад на занятиях по истории движения одонийцев им показывали учебный фильм, и зрелище безупречно ограненных драгоценных камней на гладких, загорелых, смазанных маслом женских животах с тех пор преследовало каждого из них неустанно.

Они также видели страшные кадры: тела детей с такой же пушистой «шерсткой» на теле, как и у них самих в детстве; мертвые дети были свалены, точно металлолом, на морском берегу, и какой-то человек поливал их горючим, а потом поджег. «Голод в провинции Бачифойл, где проживает народность тху, – слышался голос за кадром. – На пляжах сжигают тела детей, умерших от голода и болезней. А в это время на курорте Тиус, в семистах километрах отсюда, жители государства А-Йо (и тут как раз появились украшенные драгоценностями пупки) – женщины, которых мужчины-собственники содержат исключительно для удовлетворения собственных сексуальных потребностей (здесь диктор использовал слово из языка йотик, для которого в языке правик эквивалента не было), целыми днями валяются на песке и бездельничают, ожидая, что им приготовят и подадут обед те, кто к классу собственников отнюдь не принадлежит». Показали и фрагмент такого обеда: нежные жующие рты, улыбающиеся губы, изящные пальчики тянутся к деликатесам на серебряных блюдах... Потом снова в кадре оказалось слепое, ничего не выражающее лицо мертвого ребенка – рот открыт, пустой, черный, сухой... «И все это рядом. Бок о бок», – тихо проговорил голос за кадром.

Однако мальчишкам все же больше запомнились иные, бесконечно тревожащие их кадры.

– Как давно сняты эти фильмы? – спросил Тирин. – Они что, сделаны еще до заселения? Или все-таки современные? Никогда ведь не скажут!

– А какая разница? – возразил Кветур. – Они жили так на Уррассе еще до одонийской революции, когда все последователи Одо переселились на Анаррес. Так что, скорее всего, ничего там особенно не переменялось. – И он указал на огромную сине-зеленую луну.

– Откуда нам знать? Может, их там вообще уже нет.

– Что ты хочешь этим сказать, Тир? – спросил Шевек.

– Во всяком случае, если этим фильмам лет сто пятьдесят, то теперь на Уррассе все, возможно, совсем по-другому. Я не утверждаю, что это на самом деле так, но если бы вдруг такое случилось, то как бы мы об этом узнали? Мы туда не летаем, мы с ними переговоров не ведем, никаких культурных связей между нашими планетами нет... Мы действительно понятия не имеем, что происходит сейчас на Уррассе!

– Об этом прекрасно осведомлены члены Координационного совета по производству и распределению, из охраны космопорта. Они разговаривают с теми... ну, с пилотами грузовиков – уррасти. Они просто должны быть в курсе – ведь мы поддерживаем с Уррассом торговые отношения; к тому же нам необходимо знать, насколько уррасти в настоящий момент для нас опасны. – Слова Бедапа казались вполне разумными, однако ответ Тирин прозвучал неожиданно резко:

– В таком случае все знают только люди из Координационного совета, но не мы!

– И мы знаем! – воскликнул Кветур. – Я, например, с пеленок слышу об Уррассе, хотя мне совершенно безразлично, увижу ли я какой-нибудь новый фильм о городах этих вонючих уррасти!

– В том-то и дело, – сказал Тирин с видом человека, следующего неумолимой логике доказательств. – Весь материал об Уррассе, доступный студентам, одинаков. Только и слышишь: отвратительно, аморально, «экскрементально»! Но послушай: если на Уррассе действительно было настолько плохо, когда его покидали переселенцы, то как же ему удалось столь успешно просуществовать еще сто пятьдесят лет? Если их общество настолько «больно», то

давным-давно должно было бы умереть и разложиться! Почему же этого до сих пор не произошло? И чего это мы так их боимся?

– Боимся заразиться, – буркнул Бедап.

– А что, мы настолько слабы? И почему мы боимся хоть немного показать себя миру? В любом случае все в их обществе «больны» быть не могут. И каким бы оно ни было, кое-кто в нем непременно должен был сохранить порядочность. Здесь ведь все люди тоже очень разные, верно? Неужели на Анарресе все такие уж верные последователи Одо? Взять хотя бы этого сопляка Пезуса!

– Но в больном организме даже отдельные здоровые клетки обречены на гибель, – заметил Бедап.

– Господи, да используя принцип Аналогии, можно доказать все, что угодно, и ты это прекрасно знаешь. И все-таки откуда нам известно, что их общество так тяжело больно?

Бедап задумчиво погрыз ноготь и спросил:

– То есть, по-твоему, Координационный совет и Учебный синдикат нам лгут?

– Нет. Я сказал только, что мы питаемся теми сведениями, которыми нас кормят. А какими сведениями нас кормят? – Темнокожее курносое лицо Тирина было ярко освещено лунным светом. – Минуту назад Квет очень четко это сформулировал. Он прекрасно усвоил урок: отвернитесь от Урраса, ненавидьте Уррас, бойтесь Урраса.

– А почему бы и нет? – спросил Кветур. – Ты только вспомни, как они обошлись с нашими предками – одонийцами!

– Они отдали нам свою луну, не так ли?

– Да, чтобы держать нас подальше! Чтобы мы не разрушили их государство собственников! Они предоставили нам возможность строить свое общество справедливости далеко-далеко от них, на луне. И я уверен, как только они от нас избавились, то сразу принялись создавать новые типы государственных машин и новые армии – ведь на Уррасе не осталось никого, кто мог бы их остановить. Неужели ты думаешь, что, если мы откроем перед ними ворота нашего космопорта, они явятся к нам как друзья и братья? Да их миллиард, а нас всего двадцать миллионов! Они просто выметут нас отсюда поганой метлой или превратят нас... как это называется? Ну есть такое слово?.. Да, в рабов! И заставят работать в шахтах!

– Хорошо. Я согласен, что Урраса, возможно, и следует опасаться. Но почему нужно ненавидеть всех его жителей? Ненависть попросту нефункциональна; зачем же нас учат ненавидеть? А не потому ли, что, если мы узнаем, каков Уррас в действительности, он может нам даже понравиться? Кое-что хотя бы? Хотя бы некоторым из нас? И не в том ли дело, что КСПР не столько опасается тех немногочисленных уррасти, что прилетают сюда, сколько того, что кое-кто из анаррести захочет полететь туда?

– Полететь на Уррас? – изумленно переспросил Шевек.

Они спорили потому, что им нравилось спорить, нравилось быстро пробегать свободной мыслью по тропам возможностей, нравилось подвергать сомнению то, что казалось несомненным. Они были умны, разум их уже отчасти был дисциплинирован и приобщен к ясности научного мышления, и было им всего по шестнадцать лет. Но азарт дискуссии, радость спора для Шевека вдруг померкли, как – чуть раньше – для Кветура. Он ощутил смутную тревогу.

– Но кто может этого захотеть? – спросил он. – Зачем?

– Чтобы выяснить наконец, каков этот иной «больной» мир. Увидеть собственными глазами, что такое «лошадь»!

– Ну это уже просто детский визг на лужайке! – сказал Кветур. – Говорят, что жизнь есть и в других солнечных системах, – он обвел рукой обмытый лунным светом горизонт, – так что нам с того? Мы имели счастье родиться здесь!

– Но если наше общество лучше, чем все остальные, – сказал Тирин, – то нам следовало бы помочь им стать такими, как мы. Однако как раз это нам и запрещено.

– Уж и запрещено! Совершенно несвойственное нашему миру слово. Кто запрещает-то? Ты слишком обобщаешь. – Шевек наклонился вперед и заговорил с особым жаром: – Порядок не значит «приказ». Мы не улетаем с Анарреса, потому что мы и есть Анаррес. Будучи Тирином, ты не можешь сменить свое тело на другое, даже если тебе и захочется попробовать стать кем-то еще и посмотреть, каково это. Вот только это невозможно. Хотя силой тебя никто от подобных попыток удерживать не станет, правда ведь? Разве нас здесь держат насильно? Да и где он, аппарат насилия? Где законы, правительство, полиция? Нету. Здесь только мы, одонийцы, – все вместе и каждый сам по себе. Твоя сущность – быть Тирином, а моя – Шевеком, и наша общая сущность – быть одонийцами, ответственными друг перед другом. В этой ответственности и заключается наша свобода. Избегать этой ответственности – значит эту свободу утратить. Неужели ты действительно хотел бы жить в обществе, где у тебя нет ни перед кем никакой ответственности, а стало быть, и никакой свободы, никакого выбора, только пресловутый фальшивый выбор между соблюдением закона или его нарушением? Причем последнее влечет за собой наказание. Неужели ты действительно хотел бы жить – в тюрьме?

– Господи, конечно же нет! Я что, уж и сказать ничего не могу, черт побери? Тяжело все-таки с тобой говорить, Шев! Ты сперва молчишь-молчишь, а потом обрушиваешь на человека целый грузовик железобетонных аргументов, и тебе все равно, что там такое валяется и стонет, окровавленное и жалкое, под этой грудой...

Шевек успокоился и с победоносным видом чуть отодвинулся от Тирина.

И тут Бедап, коренастый, с квадратным лицом и дурацкой привычкой грызть ногти, вдруг заявил:

– А я считаю, что точка зрения Тира имеет право на существование! Хорошо было бы все-таки узнать, правду ли нам рассказывают об Урресе.

– Ну и кто же, по-твоему, нам лжет? – пристально посмотрел на него Шевек.

Бедап спокойно встретил его взгляд:

– Кто, брат? Да никто! Только мы сами.

А над их головами плыла в сиянии планета-близнец, спокойная, величавая, точно являя собой прекрасный пример невероятности вероятного.

* * *

Посадка лесов в литорали на западном побережье Тименского моря являла собой одно из величайших деяний пятнадцатого десятилетия со времен заселения Анарреса; в озеленении побережья участвовали почти восемнадцать тысяч человек, и длилось оно два года.

Хотя весьма протяженное юго-восточное побережье моря было достаточно пологим и плодородным, давая жизнь многочисленным рыболовецким и земледельческим коммунам, площадь пахотных земель в целом была весьма невелика. В глубине континента и на юго-западном побережье Тименского моря земли были практически необитаемы; там имелось лишь несколько изолированных друг от друга маленьких шахтерских городков. Этот обширный регион назывался Великая Пустыня Даст.

В предшествующий геологический период Даст, видимо, покрывали густые леса деревьев-холум – вездесущего и доминирующего на планете растения, имевшего несколько разновидностей. Теперешний климат стал значительно более жарким и засушливым. Тысячелетия засухи уничтожили деревья и превратили почву в мельчайшую серую пыль, при любом ветре тучей поднимающуюся в воздух; пыль затем образовывала холмы столь же чистых очертаний и столь же безжизненные, как песчаные барханы в пустынях Земли. Жители Анарреса надеялись хотя бы отчасти возродить плодородность этих беспокойных земель благодаря лесонасаждениям. По мнению Шевека, это соответствовало принципу «каузативной реверсивности», игнорируемому школой классической физики, наиболее популярной и уважаемой на Анарресе; и

все же этот принцип был тесно связан с учением Одо, хотя напрямую в ее трудах о нем не упоминалось. Шеваку вообще хотелось написать о взаимосвязи идей Одо с идеями современной физики и особенно – о применении принципа «каузативной реверсивности» к ее точке зрения на причинную обусловленность явлений, целей и средств. Однако в восемнадцать лет у него попросту не хватало знаний, чтобы написать подобную работу; впрочем, он никогда этих знаний и не приобретет, если в ближайшее же время не вернется к занятиям физикой и не выберется из этой чертовой пылищи!

По ночам над лагерями тех, кто работал над осуществлением Проекта озеленения, слышался неумолчный кашель. Днем кашляли меньше: были слишком заняты, чтобы думать о себе. Пыль была злейшим врагом этих людей – тонкая, сухая, забивавшая глотку и легкие. Однако именно на эту пыль они и возлагали все свои надежды, ведь когда-то она лежала тонким слоем плодородной почвы в тени густых деревьев. И если как следует потрудиться, это может случиться снова.

И ей благодаря зеленый лист сквозь камень прорастает
И из скалы ключ чистый начинает бить...

Гимар вечно напевала себе под нос мелодию этой песни, и вот сейчас, жарким вечером, когда они возвращались в лагерь, она пропела несколько слов вслух.

– Кому это «ей»? Кто такая «она»? – спросил Шевек.

Гимар улыбнулась. Ее широкоскулое нежное лицо было покрыто коркой пыли, волосы пропылились насквозь, одежда пропахла потом.

– Я выросла близ Южной гряды, – сказала она. – Там шахтеры живут. Это их песня.

– Какие шахтеры?

– Ты что, не знаешь? С Урраса. Которые уже жили здесь, когда прибыли первые поселенцы. Некоторые из шахтеров так и остались на Анарресе и присоединились к поселенцам из солидарности. Они тут золото в шахтах добывали, олово... В таких городках до сих пор сохранились старые праздники и старые шахтерские песни. Мой тадде³ был шахтером, он часто мне эту песню пел, когда я была маленькой.

– Ну и все-таки кто же такая «она»?

– Не знаю. Так в песне говорится. Ох, как мне хочется в тот лагерь, где мы в прошлый раз жили! Там, по крайней мере, поплавать было можно. Я прямо-таки насквозь пропотела – противно!

– Я тоже не лучше.

– И ото всех в лагере потом разит. Кошмар какой-то!

– Это из солидарности...

Но теперешний их лагерь был уже в пятнадцати километрах от берега, и здесь искупаться можно было разве что в пыли.

В лагере был человек по имени Шевет – очень похоже на «Шевек». Когда окликали одного, часто откликался другой. Шевек ощущал некое родство с этим человеком – из-за столь редкого совпадения в звучании имен. Пару раз он видел, что Шевет внимательно на него смотрит. Однако друг с другом они пока не разговаривали.

Первые недели Шевек не ощущал ничего, кроме молчаливого неприятия происходящего в этой пустыне и сокрушительной усталости. Люди, которые избрали своей профессией жиз-

---

³ Буквально это слово значит «папа»; ребенок обычно называет мать «мамме», а отца – «тадде». Впрочем, «тадде» Гимар мог быть как ее отцом, так и дядей или же вообще не родственником ей, однако же человеком, который заботился о ней не хуже родного отца или деда. Она могла называть «тадде» или «мамме» нескольких людей, однако само это слово имеет более специфический оттенок, чем слово «аммар» (брат/сестра), которое можно употреблять по отношению к любому. –Примеч. авт.

ненно важные области науки, например физику, вообще не должны призываться на подобные работы. Разве не аморально – заниматься работой, которая тебе отвратительна? Озеленение побережья, безусловно, необходимо, однако людям здесь по большей части было все равно, что им поручат в следующий раз; они привыкли часто менять вид и место работы; вот таких и следовало набирать в отряды специального назначения. Копаться в пыли и сажать деревья любой дурак может. На самом деле почти все выполняли эту работу куда лучше самого Шевека. Он всегда гордился своей силой и выносливостью, всегда сам вызывался сделать «самое трудное», когда приходила пора очередного – раз в декаду – дежурства по общежитию; но здесь тяжелая работа была повседневной: день за днем, по восемь часов подряд приходилось делать одно и то же в пыли, на солнцепеке. И весь день Шевек мечтал только о том, как вечером наконец останется один и сможет подумать. Но стоило ему добраться до палатки после ужина, как он камнем падал на постель и тут же засыпал. И ни разу ни одна умная мысль так его и не посетила!

Он считал своих товарищей по работе грубыми и туповатыми, а они в свою очередь – даже те, что были моложе Шевека, – обращались с ним как с мальчишкой, чуть насмешливо. Это его обижало и возмущало; утешение и удовольствие он получал только от писем, которые писал своим друзьям Тирину и Роваб с помощью шифра. Шифр они придумали вместе; это был набор глагольных форм, образованных от специальных терминов современной физики. С первого взгляда такое письмо представлялось самым обычным, хотя и довольно нелепым по содержанию, точно беседа каких-то совсем спятивших философов. Особенно изошрялись в создании подобных «шедевров» Шевек и Роваб. Письма Тириня были очень смешными и убедили бы кого угодно, что имеют отношение к самым непосредственным переживаниям и событиям, однако чисто физический смысл их был весьма сомнителен. Зато Шевек частенько отсылал друзьям настоящие загадки – стараясь составлять их, когда копал ямы для деревьев в каменистой земле тупым заступом, а над ним на ветру кружились тучи пыли. Тирин отвечал довольно регулярно. Роваб в последнее время написала всего одно письмо и умолкла. Она была холодной девушкой, и Шевек это прекрасно знал. Однако никто у них в институте не знал, каким несчастным он чувствовал себя здесь, в этой пустыне! Роваб-то и Тириня сюда не послали! Они сейчас как раз спокойно занимаются разработкой собственных идей! А не воплощением этого чертова проекта облесения литорали. Их-то способности никто не тратит впустую! Они работают, занимаются настоящим делом, делают то, что хотят! А он? Он здесь не работает. Это его обрабатывают.

И все-таки странно – какое чувство гордости и огромного удовлетворения приносит подобная работа, когда выполняешь ее вместе со всеми!.. К тому же некоторые из его теперешних товарищей оказались людьми поистине незаурядными. Гимар, например. Сперва ее сильное крупное тело взрослой женщины вызывало у Шевека даже некоторую оторопь, но теперь он и сам стал достаточно сильным, чтобы желать ее.

– Придешь ко мне сегодня ночью, Гимар?

– Ой нет, что ты! – И она с таким удивлением посмотрела на него, что он даже немного обиделся, хотя постарался не показать этого.

– А я-то думал, мы друзья!

– Ну да, друзья.

– Но тогда почему же...

– У меня есть партнер. Постоянный. Там, дома.

– Могла бы раньше сказать. – Шевек покраснел.

– Да все как-то случая подходящего не было; и потом, с чего это я должна тебе что-то говорить? Извини, Шев. – Она с таким сожалением посмотрела на него, что у него снова пробудилась надежда.

– А что, если...

– Нет, Шев. Так с близкими людьми не поступают. Если любишь, нечего раздавать себя по кускам другим мужчинам.

– Но ведь жизнь с постоянным партнером, по-моему, противоречит законам одонийской этики, – сурово заметил Шевек.

– Вот еще дерьмо. – Гимар говорила спокойно, тихим голосом. – Иметь что-то только для себя неправильно, нужно делиться. Но разве этого мало – делить с другим человеком самого себя? Всю свою жизнь, все свои дни и ночи?

Шевек сидел, уронив руки между колен и опустив голову, – высокий, очень худой, безутешный, весь какой-то незавершенный.

– Я к этому не стремлюсь, – сказал он.

– Вот как?

– Да я по-настоящему еще и не знал ни одной женщины. Ты же видишь, я и тебя не понял. Я чувствую себя оторванным от остальных. И не могу с ними соединиться. И никогда не соединюсь. Было бы просто глупо с моей стороны мечтать о партнерстве. Это все... Это все для нормальных людей...

Застенчиво, но не смущенно, как взрослая и уважающая его взрослость женщина, Гимар сочувственно положила руку ему на плечо. Она его не ободряла и не говорила, что он такой же, как все, а сказала только:

– Я никогда, наверное, не встречу больше такого человека, как ты, Шев. И я тебя никогда не забуду!

И тем не менее отказ есть отказ. Несмотря на всю ее нежность и сочувствие, он ушел от нее уязвленный и очень сердитый.

* * *

Стояла жуткая жара, прохладно становилось только перед самым рассветом.

Человек по имени Шевет однажды вечером, после ужина, сам подошел к Шевеку. Он оказался симпатичным плотным мужчиной лет тридцати.

– Ох и надоело мне, что нас с тобой все время путают, – сказал он. – Назвал бы ты себя как-нибудь иначе, парень.

Эта самоуверенная агрессивность ранее, пожалуй, озадачила бы Шевека. Но теперь он ответил нахалу вполне в духе здешних нравов:

– Можешь сам себе имя сменить, если оно тебе не нравится.

– Ах ты, расчетливый сопляк! Небось из тех, что весь век готовы учиться, лишь бы ручки свои не марать! – взвился Шевет. – Я как такого завижу, прямо руки чешутся. Врезать бы тебе как следует, будешь знать!

– Сам ты сопляк! – возмутился Шевек, понимая, что словесной перепалкой тут не обойдется.

Шевет дважды сбил его с ног. Зато ему удалось несколько раз весьма удачно заехать противнику в физиономию, поскольку руки у него были длиннее, да и упорства больше, чем ожидал этот нахал. Однако в целом он, конечно, проигрывал. Несколько человек остановились возле них, увидели, что дерутся вполне честно, хотя и неинтересно, потому что один явно сильнее другого, и пошли дальше. Их не оскорбило примитивное желание одного проявить насилие. А что? Мальчишка на помощь не звал, пусть сам и разбирается. Придя в себя, Шевек обнаружил, что лежит навзничь в темной пыли между двумя палатками.

После этой драки у него еще пару дней звенело в правом ухе, и губа была сильно рассечена, а заживала очень плохо из-за проклятой пыли, которая не давала зажить даже малейшей царапине. Больше они с Шеветом никогда не говорили. Он издали видел этого человека среди других, у костров, где готовилась пища, но злобы не испытывал. Шевет дал ему то, что должен

был дать, и он этот дар принял, хотя в течение долгого времени даже не пытался определить его значимость или обдумать его сущность. А когда сумел это сделать, этот дар уже ничем не отличался от прочих даров, полученных им в период взросления. Как-то вечером одна из тех девушек, что недавно присоединились к их бригаде, подошла к нему точно так же, как тогда Шевет, в темноте. Губа у него еще не успела зажить после драки... Он потом не смог вспомнить даже, что именно она ему сказала; все было очень просто – она его чуть поддразнивала, он отвечал ей, а потом они пошли куда-то в ночь, в пустыню, и там она предоставила ему полную власть над своим телом. Это был ее дар. И он его тоже с благодарностью принял. Как и все дети Анарреса, он имел опыт свободного сексуального общения как с мальчиками, так и с девочками, но все это было в детстве, когда он еще не понимал, как и его партнеры, что секс – это не только краткий миг удовольствия. Бешун, по-настоящему талантливая в плотской любви, взяла его с собой в неведомую страну, в самое сердце истинных сексуальных наслаждений, где не было места ни враждебности, ни недопустимости; здесь все было позволено, и два тела стремились лишь к тому, чтобы слиться воедино и уничтожить ту тоску, что снедала их, выйти за пределы своего физического «я», за пределы времени.

И все стало теперь очень легко, просто и прекрасно – в теплой пыли, под светом звезд. И дни теперь казались не изнуряющими, а долгими, жаркими, полными солнечного света, и даже пыль пахла, как тело Бешун.

Теперь Шевек работал в той бригаде, что сажала деревья. Грузовики привозили множество крошечных саженцев с северо-востока, выращенных в Зеленых горах, где выпадало осадков до десяти тысячи миллиметров в год, – там был пояс дождей. И они сажали эти деревца прямо в пыль.

Когда все было закончено, пятьдесят команд, выполнявших работы второго года Проекта, покинули эти места. Грузовики уже несли их прочь, а они все оглядывались – они видели результаты своего труда: легкую зеленую дымку на бледных пылевых барханах, точно на эту мертвую землю легко, почти незаметно набросили вуаль жизни. И люди радовались, пели, звонко перекликались. У Шевека на глаза навернулись слезы. Он вспомнил: «И ей благодаря зеленый лист сквозь камень прорастает...» Гимар давным-давно уехала к себе на Южную гряду.

– Ты чего это такой мрачный? – спросила Бешун и ласково прижалась к нему, когда грузовик в очередной раз подскочил на ухабе, и погладила его по твердому мускулистому плечу, покрытому беловатым налетом пыли.

* * *

– Ох уж эти женщины! – сказал Шевеку Вокеп, когда они сидели на автобазе горно-обогатительного комбината юго-западного края. – Они всегда считают, что завладели тобой. Ни одна женщина по-настоящему не может быть последовательницей Одо.

– Но ведь сама Одо?..

– Это все теория. Ведь у Одо, после того как убили Асьео, никаких мужчин больше не было, верно? Всегда можно найти исключения. И все же по большей части женщины – типичные собственницы, и само их отношение к мужчинам – это желание прибрать к рукам. Им хочется либо владеть самим, либо быть во власти кого-то.

– Ты полагаешь, что именно этим они отличаются от мужчин?

– Я просто уверен! Мужчине ведь что нужно? Свобода! А женщине? Обладание! Она тебя отпустит – но только если сможет обменять на кого-то другого. Все женщины – собственницы.

– Черт знает что ты говоришь! Ведь половина всех людей – женщины! – воскликнул Шевек, думая, а не прав ли Вокеп, случайно?

Бешун проплакала все глаза, когда он снова получил назначение на северо-запад; она ужасно злилась, и все пыталась заставить его сказать, что он без нее жить не сможет, и уверяла его, что она без него не проживет и дня, и требовала, чтобы они стали партнерами... Партнерами! Вряд ли она способна была выдержать общество одного и того же мужчины больше полугода!

Родной язык Шевека, единственный, которым он владел, явно страдал нехваткой соответствующих идиом для обозначения полового акта, а точнее – физического обладания. В языке правик выражение «обладать женщиной» не имело ни малейшего смысла. Наиболее близким по значению к глаголу «совокупляться», а также имевшим второе, неприличное, значение было специфическое выражение, означавшее примерно «совершать насилие». Наиболее привычным (и приличным) был глагол, употреблявшийся только с подлежащим во множественном числе, который обычно переводился таким нейтральным медико-юридическим термином, как «совокупляться». Множественное число подлежащего означало, что в данном акте всегда участвуют двое. Эти лексические рамки не могли, разумеется, вместить весь тот сексуальный опыт, которым отчасти теперь обладал и он; и Шевек прекрасно сознавал это, хотя и не очень отчетливо представлял себе, что же такое «обладание». Разумеется, он чувствовал, что Бешун принадлежала ему в те звездные ночи в пустыне. А он – ей. И видимо, она полагала, что имеет на него еще какие-то права. Впрочем, они тогда ошибались оба, и Бешун, несмотря на всю свою сентиментальность, быстро поняла это; она поцеловала его на прощание, улыбнулась наконец и отпустила. Нет, он не принадлежал ей. Он был во власти собственного тела. Это были первые порывы юношеской гиперсексуальности; и только тело в действительности властвовало над ним – как и над нею. Но теперь это прошло. И никогда (так думал он, восемнадцатилетний мальчишка, с разрешением на поездку в Аббенай в руке сидевший на автобазе комбината в полночь, ожидая, когда колонна грузовиков двинется на север), никогда уже более не случится. Хотя многое успело произойти с ним за это время, но в отношении женщин он теперь всегда будет на страже. Больше его никто не застанет врасплох, не одержит над ним верх. Поражение, сдача на милость победителя или, наоборот, восторги победы... Да и сама Бешун, возможно, ничего, кроме удовольствия, не хотела. С какой, собственно, стати? И это она, будучи свободной сама, и его выпустила на свободу...

– Нет, я с тобой не согласен, – ответил он длиннолицему Вокепу, биохимику-аграрнику, тоже направлявшемуся в Аббенай. – По-моему, большей части наших мужчин нужно еще учиться быть анархистами. А вот женщинам как раз этому учиться не нужно.

Вокеп с мрачным видом покачал головой.

– Все дело в детях, – сказал он. – В том, чтобы иметь детей. Именно дети делают их собственниками. И потому они тебя не отпускают. – Он вздохнул. – А золотое правило, брат, таково: сорви цветок удовольствия, прикоснись к нему и ступай себе дальше. Никогда не позволяй кому-то завладеть своей душой.

Шевек улыбнулся и допил свой сок.

– Не позволю, – сказал он.

* * *

Было радостно вновь вернуться в Региональный институт, вновь увидеть низкие холмы, покрытые пятнами стелющихся деревьев-холум, огороды, общежития, жилые комнаты, мастерские, аудитории, лаборатории – здесь он жил с тринадцати лет. И для него всегда возвращение назад было и будет не менее важно, чем путешествие в иные места. Пути куда-то, в новую жизнь, было для него недостаточно, точнее, достаточно лишь наполовину: он непременно должен был вернуться назад. Возможно, в этой его черте уже проявлялась природа той сложнейшей теории, которую он намерен был создать, отражавшей то, что практически нахо-

дилось за пределами познаваемого. Скорее всего, он никогда бы не взялся за осуществление столь долгосрочного и немислимо трудного дела, если бы не был абсолютно уверен, что возвращение всегда возможно, хотя сам он, наверное, вернуться не сможет. Сама природа подобного «путешествия во времени», сходная с природой кругосветного плавания, заключала в себе возможность возврата. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку, нельзя снова вернуться в тот же дом. Это он понимал; именно это было основой его мировоззрения. И все же как раз мимолетность мгновения помогла ему вывести основные положения своей теории, в рамках которой то, что способно меняться более всего, на самом деле оказывается более всего постоянным, вечным, – и твое родство с рекою, родство реки с тобою обуславливают куда более сложные и куда более обнадеживающие отношения, чем простое отсутствие идентичности. Можно снова вернуться домой, так утверждала его общая теория времени, до тех пор, пока ты понимаешь, что дом есть некое место, где ты никогда еще не был.

А потому Шевек был рад вернуться домой – во всяком случае, это был единственный дом, какой он когда-либо имел или хотел иметь. Однако прежние друзья показались ему какими-то недоразвитыми. Он сильно повзрослел и возмужал за прошедший год. Правда, некоторые из девушек повзрослели не меньше, а может, даже больше, они стали женщинами. Но Шевек старался не переходить с ними границ обычного «трепа»; он пока что больше не хотел столь же сильной страсти – боялся попасть в силки, сплетенные собственными физиологическими порывами. Ему предстояло куда более важное дело. К тому же он заметил, что наиболее способные из девушек, вроде Роваб, тоже ведут себя хотя и непринужденно, но осторожно; в лабораториях и на лекциях, как и в общих комнатах отдыха, они держались как старые приятели, не более. Эти девушки, как и он, прежде всего хотели завершить образование, начать самостоятельную исследовательскую работу или найти такое применение своим знаниям, которое бы их удовлетворило, а уж потом, если возникнет такая потребность, рожать детей. Однако сексуальные забавы зеленых юнцов их тоже больше не удовлетворяли; им хотелось зрелости и в интимных отношениях, хотелось, чтобы отношения эти не были пусты и бесплодны; но пока что искать постоянных партнеров им было рановато.

Эти девушки стали Шевеку хорошими друзьями, доброжелательными и независимыми. А вот юноши его возраста, казалось, застряли где-то в самом конце собственного детства. Эти умненькие мальчики на деле были слишком ленивы и робки и, похоже, не желали занять себя ни работой, ни сексом. Если послушать Тирина, так секс – эту замечательную вещь – изобрел именно он, однако же все его интрижки были с девицами лет пятнадцати-шестнадцати, а от своих сверстниц он испуганно шархался. Бедап, никогда не отличавшийся особым сексуальным аппетитом, принял вдруг поклонение одного студента-младшекурсника, явно имевшего гомосексуальные наклонности. Бедап как бы свысока позволял этому «голубоватому юнцу» выполнять любое его желание, однако, похоже, сам ничего не воспринимал всерьез; он вообще стал чрезвычайно ироничным и замкнутым. Шевек чувствовал, что их былой дружбе пришел конец. Даже Тирин был слишком сосредоточен на себе самом, да к тому же чуть что – дулся. Нет, восстанавливать с ними прежние отношения не хотелось. Одиночество, пожалуй, было Шевеку даже приятно, он всем сердцем приветствовал его. Ему и в голову не приходило, что сдержанность, которую проявили по отношению к нему Бедап и Тирин, была просто ответной реакцией; уже тогда мягкий, однако поразительно целостный и самодостаточный характер Шевека способен был создать собственное замкнутое поле, воздействие которого могли выдержать только очень волевые или очень преданные люди. Сам он заметил лишь, что у него наконец-то появилось достаточно времени для работы.

Еще на юго-востоке, привыкнув к постоянной физической нагрузке и перестав тратить свои мозги на сочинение дурацких зашифрованных посланий, а собственное семя – на эротические сновидения, он наконец начал думать по-настоящему. А теперь у него появилось сво-

бодное время, и он мог всласть над тогдашними идеями поработать, решить, есть ли в них рациональное зерно.

Старшим преподавателем физики в институте была Митис. Практически возглавляя кафедру, она не занималась распределением нагрузки и учебных курсов – все назначения в институте каждый год автоматически перераспределялись, а на кафедре было еще около двадцати преподавателей, – однако же Митис проработала здесь тридцать лет и славилась своим блестящим и цепким умом. Кроме того, вокруг нее как бы всегда было некое чистое с психологической точки зрения пространство – так, чем ближе горная вершина, тем меньше можно встретить там людей. Отсутствие пресловутых «любимчиков» и «подхалимов» очень помогло Шевеку сблизиться с Митис. Некоторым людям от рождения свойственна авторитетность; ведь известно, что даже императоры любят порой переодеться в простое, новое для них платье, но все равно свою «авторитетность» сохраняют.

– Я отослала вашу работу по физике относительных частот в Аббенай, Сабулу, – сообщила Митис Шевеку, как всегда суховаато и кратко, хотя вполне доброжелательно. – Хотите прочитать ответ?

Она подтолкнула к нему через стол мятый клочок бумаги, явно уголок, оторванный от какого-то большего листа. Там мелким корявым почерком было написано:

$$ts/2x(R) = 0.$$

Шевек, навалившись на стол, так и впился глазами в заветную формулу. Глаза у него были очень светлые, и падавший из окна свет отражался в них так ярко, что они казались прозрачными, как вода. Ему было девятнадцать. Митис – пятьдесят пять. Она наблюдала за ним с нескрываемым сочувствием и восхищением.

– Как раз этого мне и не хватало, – сказал он. Его рука уже нащупала на столе карандаш и начала что-то царапать на листе бумаги. При этом на его бледном лице, обрамленном серебристыми мягкими волосами, постриженными очень коротко, вспыхнул румянец, даже уши покраснели.

Митис осторожно обошла вокруг стола и присела с ним рядом. У нее были отвратительные вены на ногах, и стоять ей было трудно. Это ее движение потревожило Шевека. Он поднял голову и с холодным раздражением посмотрел на нее.

– Я смогу закончить это через день-два, – сказал он.

– Сабул хотел бы посмотреть вашу работу, как только вы ее закончите.

Оба помолчали. Краска возбуждения сбежала со щек Шевека, он снова полностью сознавал присутствие старой Митис, которую очень любил.

– А почему вы послали ту мою работу Сабулу? – спросил он. – Да еще с такими серьезными недоделками! – Он улыбнулся; уже сама мысль о том, что пробел в его рассуждениях наконец-то закрыт, приносила ему необычайную радость.

– Я подумала, что он, возможно, сумеет определить, где вы ошиблись. Сама я не сумела. А еще я хотела, чтобы он понял, какую цель вы перед собой ставите... Знаете, он ведь предлагает, чтобы вы приехали к нему, в Аббенай.

Юноша не ответил.

– Вы хотите туда поехать?

– Пока нет.

– Я так и думала. Но поехать вы должны. Хотя бы из-за книг и из-за тех умных людей, с которыми там познакомитесь. Такие способности, как у вас, нельзя понапрасну разбазаривать в этой пустыне! – Митис внезапно заговорила очень страстно: – Это ваш долг – найти для себя наилучшее применение, Шевек. Не позволяйте обмануть себя нашей фальшивой уравниловкой. Вы будете работать с Сабулом; он очень хорош, он вас до смерти работой замучает. Но вы должны непременно остаться свободным и отыскать ту тропу, которой единственно хотите

следовать. Доучитесь этот семестр и поезжайте. Но берегитесь там, в Аббенае! Особенно берегите свою свободу. Власть всегда зарождается в центре. А вы как раз туда и отправляетесь. Сабула я знаю не очень хорошо... однако ничего плохого о нем тоже сказать не могу. Но всегда помните: вам придется стать его человеком.

Притяжательные формы личных местоимений в языке правик встречались главным образом в случае эмфазы; в идиомах они практически не употреблялись. Малыш, конечно, вполне мог сказать «моя мама», но очень скоро обучался говорить просто «мама», а вместо «мои ручки» – просто «ручки» и так далее. Чтобы сказать на правик: «Это мое, а это твое», нужно было употребить выражение: «Я пользуюсь этим, а ты – тем». Заявление Митис: «Вам придется стать его человеком» – поэтому звучало несколько странно. Шевек тупо посмотрел на нее.

– Вам предстоит большая работа, – твердо сказала Митис, глядя на него черными сверкавшими, точно от гнева, глазами. – Вот и выполняйте ее! – И, ничего более не прибавив, она пошла прочь.

Шевек знал, что в лаборатории ее ждут студенты, но все равно был смущен. Пытаясь найти ответ, он уставился на клочок бумаги, по-прежнему лежавший на столе, и решил, что Митис велела ему поскорее вернуться к тем уравнениям и найти ошибку. Лишь значительно позже, годы спустя, понял он, что она действительно имела в виду.

* * *

Накануне его отъезда в Аббенай друзья устроили в его честь пирушку. Такие вечеринки устраивались часто и по самым различным, в том числе незначительным, поводам, но Шевек был поражен, с каким усердием все старались устроить ему «настоящие проводы». Совершенно не подверженный влиянию сверстников, он и не догадывался, что они его любят.

Похоже, многие немало дней экономили ради этой пирушки. В итоге количество еды оказалось просто невероятным. Заказ на выпечку был таков, что институтскому пекарю пришлось, забыв о своей подружке, остаться на весь вечер; он напек целую гору лакомств: душистых вафель, маленьких тарталеток с перцем, которые особенно хороши с копченой рыбой, сладких жареных пирожков, сочных и сытных. Было множество различных фруктовых напитков – консервированные фрукты привозили с берегов Керанского моря, как и маленьких соленых креветок. Ну а хрустящего сладкого картофеля высились целые горы. От такого изобилия все пришли в веселое расположение духа, хотя некоторых потом тошнило, столько они всего съели, не удержавшись.

Был устроен концерт – скетчи и прочие смешные штуки, как отрепетированные заранее, так и чистый экспромт. Тирин в костюме «бедняка с Урраса» – который раздобыл в утильсырьё – приставал ко всем, требуя «подать нищему милостыню». Эти выражения все знали еще по школьным урокам истории.

– Дайте мне денег, – подвывал он, трясая рукой у них перед носом. – Денег! Денег! Ну что же вы мне денег не даете? У вас что, нет ничего? Врете! Ах вы, грязные собственники! Спекулянты проклятые! Нет, вы только посмотрите на это угощение! Как же вы его купили, если у вас денег нет? – Потом он стал предлагать им купить его самого. – «Копите» меня, «копите» меня, задешево продаюсь, – ныл он.

– Не «копите», а «купите», – поправила его Роваб.

– Какая разница – «копите», «купите»! Ты погляди, какое у меня прекрасное тело! Неужели не хочешь? – И Тирин, сам себе что-то напевая под нос, помахал своими тощими бедрами и сладко закатил глаза.

В конце концов его подвергли публичной экзекуции с помощью ножа для рыбы, и после этого он появился вновь уже в нормальной одежде. Кое-кто из студентов очень неплохо умел

играть на арфе и петь, и вообще было много музыки, танцев, но еще больше разговоров. Они говорили столько, будто завтра им всем предстояло замолчать навсегда.

Ночь текла, и юные парочки порой удалялись ненадолго в отдельные комнаты, чтобы там быстренько предаться любовным утехам и вернуться к пирующим; кое-кто уже ушел спать; в конце концов за столом среди пустых чашек, рыбьих костей и крошек печенья осталось лишь несколько человек – все это им нужно было к утру убрать. Но до утра было еще далеко. И они разговаривали. Они точно лакомились этой бесконечной беседой, перескакивая с предмета на предмет. Бедап, Тирин, Шевек, еще несколько юношей, три девушки. Они говорили о ритме как пространственном выражении времени, о связи древнего учения Гармонии Сфер с современными физическими теориями. Они говорили о рекордных результатах последнего марафонского заплыва и о том, можно ли считать их детство счастливым. И пытались определить, что такое счастье...

– Стрдание – это непонимание, непонятость, когда тебя понимают неверно, – сказал Шевек, наклоняясь вперед.

Светлые глаза его горели. Он был по-прежнему худ, с крупными руками, с торчащими по-детски ушами, весь еще угловатый, но здоровый и сильный. На пороге своего возмужания он был очень хорош собой. Его светлые, почти серебристые волосы, как и у остальных, мягкие, прямые и длинные, были перехвачены на лбу повязкой. Только одна из них – девушка с высокими скулами и чуть приплюснутым носом – была пострижена очень коротко; темные волосы охватывали ее голову уютной пушистой шапочкой. Она смотрела на Шевека спокойно и серьезно. Губы у нее блестели – она все время лакодилась жареными пирожками, – а на подбородке прилипла крошка.

– Стрдание действительно существует, – говорил Шевек, широко разводя руками. – Оно вполне реально. Его можно назвать непониманием, но нельзя притворяться, что его нет или же оно когда-либо исчезнет, перестанет существовать. Стрдание – это условие нашего существования. И когда оно приходит, ты сразу его узнаешь. Как узнаешь и истину. Разумеется, правильно, что болезни лечат, что с голодом и несправедливостью борются, – так поступают все «социальные организмы». Но ни один из них не может изменить природу бытия. Невозможно предотвратить страдания. Та или иная конкретная боль – да, подобное страдание можно и нужно устранять. Но не Великую Боль. Кое-какие страдания социума – ненужные страдания – общество облегчить способно. Но остальное останется. Корень страдания, его сущность. Все из присутствующих здесь рано или поздно познают горе; и если мы еще проживем пятьдесят лет, то все пятьдесят лет будем испытывать страдания. И в конце концов умрем. Лишь при этом условии мы появились на свет. Я боюсь жизни! Временами я... мне действительно бывает очень страшно! Всякое счастье кажется мимолетным, незначительным. И все же интересно: а что, если все это сплошь непонимание – вся эта погоня за счастьем, боязнь страдания?.. Что, если, вместо того чтобы бояться страдания, избегать его, человек мог бы... пройти сквозь него и оказаться по ту сторону? Что-то ведь там есть – по ту сторону. Ведь страдает моя сущность, мое «эго», но есть, верно, и такое место, где сущность... перестает существовать? Не знаю, как это выразить... Но я уверен: реальную действительность, истину я познаю через страдания так, как не способен познать через покой и счастье; реальность боли – это еще не страдание. Если сможешь пройти через нее. Если ты сможешь вытерпеть ее до конца.

– Реальность нашей жизни – это любовь и солидарность, – сказала высокая девушка с мягкими бархатными глазами. – Любовь – вот истинное условие существования человека.

Бедап помотал головой:

– Нет. Шев прав. Любовь – это просто один из способов существования, и она может пойти не в ту сторону, может и вовсе пройти мимо. А вот боль никогда не ошибается. Но, таким образом, получается, что у нас просто выбора не остается – придется ее терпеть! И мы будем терпеть, хотим мы этого или нет.

Короткостриженная девушка яростно замотала головой:

– Нет, не будем! Лишь один из сотни, один из тысячи всю жизнь живет счастливо, счастливо проходит весь путь от рождения до смерти. А остальные только притворяются, что счастливы, или же просто помалкивают. Все мы страдаем, но, может быть, недостаточно. А стало быть, страдаем зря.

– И что же нам делать? – спросил Тирин. – Бить себя по башке молотком каждый день, чтобы убедиться, что мы страдаем достаточно?

– А ведь ты создаешь культ страдания, Шев, – заметил еще кто-то. – Основная цель жизни, согласно учению Одо, носит характер позитивный, а не негативный. Страдания – это нарушение нормальной функции организма, за исключением тех физических страданий, которые предупреждают организм об опасности. А психологические и социальные страдания носят абсолютно разрушительный характер.

– Что и подвигло Одо с особым вниманием отнестись к страданиям – своим собственным и других людей! – возразил Бедап.

– Но ведь весь принцип взаимопомощи основан именно на том, чтобы предотвращать страдания!

Шевек сидел на столе, болтая в воздухе своими длинными ногами; лицо его было напряжено и спокойно одновременно.

– А вы когда-нибудь видели, как умирает человек? – спросил он.

Большая часть видела – в интернате или же во время дежурства в больнице. И все, кроме одного, помогали хоронить умерших.

– Когда я жил в лагере на юго-востоке, я впервые увидел действительно страшную смерть. Что-то случилось с дирижаблем, и он во время полета вспыхнул и упал на землю. Они вытащили этого человека – на нем живого места не было, весь обожжен. Он еще часа два прожил... Спасти его было невозможно; ему совершенно ни к чему было так долго жить и мучиться, и не было никаких оправданий для того, чтобы заставлять его страдать еще два часа. Мы ждали, пока не слетают за анестезирующими средствами, и я стоял возле него вместе с двумя девчонками – мы только что вместе грузили его дирижабль. Врача в лагере не было. Ему нечем было помочь! Можно было только оставаться с ним рядом. Он был в шоке, но сознание почти не терял. И его терзала ужасная боль, особенно руки – я не думаю, что он ощущал, что остальное его тело практически обуглилось; боль он чувствовал главным образом в руках. Его нельзя было даже коснуться или погладить, чтобы как-то утешить, – при любом прикосновении кожа и мясо его оставались у вас на пальцах и он ужасно кричал. Ничего нельзя было для него сделать! Мы оказались совершенно беспомощны! Может быть, он сознавал, что мы рядом с ним, не знаю. Но ему от этого было ничуть не легче. Но самое страшное, что ничего нельзя было сделать! Я тогда понял... увидел, что в такую минуту ни для кого ничего нельзя сделать. Мы не можем спасти друг друга. И себя тоже. От смерти.

– И что же ты тогда ощутил? Полное одиночество и отчаяние! Ты отрицаешь возможность братских отношений, Шевек! – крикнула высокая девушка.

– Нет... нет, не отрицаю. Я только пытаюсь сказать, что, как мне представляется, братство реально существует и начинается... там, в разделенной боли, в разделении чужого страдания...

– Но тогда где же оно кончается?

– Не знаю. Пока еще не знаю.

3

Уррас

Шевек все свое первое утро на Уррасе безнадежно проспал, а когда проснулся, то нос у него был заложен, в горле першило и он без конца кашлял. Он решил, что простудился и даже одонийская гигиена не сумела перехитрить обыкновенный насморк, однако врач, который уже ждал, чтобы осмотреть его, – это был весьма достойного вида пожилой мужчина – сказал, что это больше похоже на аллергию вроде сенной лихорадки, вызванную реакцией на пыль чужой планеты и пыльцу здешних цветущих растений. Он прописал какие-то таблетки и укол, который Шевек терпеливо перенес, а также предложил ему позавтракать, и Шевек с жадностью проглотил все, что было на подносе. Врач попросил его оставаться пока в помещении и ушел, а Шевек тут же начал знакомство с Уррасом, обходя комнату за комнатой.

Кровать была огромная, массивная, а матрас куда мягче, чем на койке в космическом корабле; постельное белье из множества предметов было, видимо, из шелка, одеяла толстые и теплые и подушки, кучевыми облаками вздымавшиеся на постели. На полу пружинивший под ногами ковер; также имелся комод из прекрасного полированного дерева со множеством ящиков и шкаф, достаточно большой, чтобы в нем разместить одежду для десяти человек. Потом Шевек перешел в огромную гостиную с камином, которую видел прошлой ночью; дальше была еще комната с ванной, умывальником и весьма изысканной конструкции унитазом; эта комната явно предназначалась только для его личного пользования, поскольку из нее была дверь прямо в его спальню. Все эти элементы роскоши, а это, безусловно, были предметы роскоши, явно содержали не просто некий элемент эротичности и, по мнению Шевека, являли собой прямо-таки апофеоз излишества, «эскрементальности», как сказала бы Одо. В последней комнатке он провел почти час, по очереди включая все приборы и устройства и в результате став чистым до чрезвычайности. Особенно восхищало его то, что водой можно было пользоваться без ограничений. Вода лилась из крана, пока его не выключишь! Ванна была объемом никак не менее шестидесяти литров! А унитаз исторгал при смыве по крайней мере литров пять воды! В общем-то, ничего удивительного в этом не было. Поверхность Урраса на пять шестых была покрыта водой. Даже пустыни на полюсах этой планеты состояли из воды, точнее, из льда. Никакой необходимости экономить воду, никаких засух... Но что происходит далее с тем, что спускается в канализацию? Шевек задумался и даже опустился возле унитаза на колени, сперва как следует обследовав сливной бачок. Они, должно быть, пропускают канализационные стоки сквозь фильтры на специальных установках... На Анарресе имелись прибрежные коммуны, где использовались подобные системы очистки воды при отвоевывании у моря и пустыни пригодной для обитания территории. Ему очень хотелось расспросить об этом кого-нибудь, однако впоследствии ему ни разу к этой теме подобраться не удалось. Он многие вопросы так и не успел выяснить за время своего довольно-таки долгого пребывания на Уррасе.

Помимо заложенного носа, ничто его не беспокоило, он чувствовал себя вполне здоровым и готовым действовать. В комнатах было настолько тепло, что он отложил пока процедуру одевания и бродил по ним нагишом. Потом подошел к окнам большой комнаты и постоял там, глядя на улицу. Комната находилась очень высоко над землей – он сперва даже удивленно отшатнулся от окна: непривычно было находиться на высоте нескольких этажей от земли. Примерно такой виделась земля с борта дирижабля; появлялось ощущение оторванности от земли, вознесения над нею, невмешательства в ее дела. Окна выходили прямо на рошу, окружавшую небольшое белое здание с изящной, квадратного сечения башней, за которой открывалась обширная долина, целиком состоявшая из возделанных полей – прямоугольных пятен различных оттенков зеленого цвета. Даже почти у горизонта, где зелень начинала отливать синевой, на фоне которой были заметны более темные поперечные или продольные линии – зеленые

изгороди или деревья, – это была очень четко расчерченная сеть полей и огородов, похожая на схему нервной системы человека. И наконец, на самом горизонте виднелись холмы, обрамлявшие долину, – одна синяя складка за другой, мягкие темные волны под ровным бледно-серым небом.

Более прекрасный вид трудно было себе представить! Мягкость и живость красок, смесь созданного рукой человека прямоугольного орнамента и пышных естественных контуров растений, разнообразие и гармония создавали впечатление сложного и единого целого; в природе ему такого еще наблюдать не приходилось, только иногда, очень редко и в малой степени, – на некоторых безмятежных, задумчивых и прекрасных человеческих лицах.

В сравнении с этим любой пейзаж Анарреса – даже долина Аббеная и устье реки Нетерас – казался убогим: бесплодная, сухая земля, едва начавшая оживать под рукой человека. В пустынях юго-запада была, пожалуй, своя вольная красота простора, однако в ней чувствовались враждебность человеку и безвременье. На Анарресе, даже там, где наилучшим образом было развито земледелие, возделанные поля напоминали скорее грубый набросок на грифельной доске желтым мелом в сравнении со здешним воплощенным чудом жизни, богатой как своим прошлым, так и неистоцимым будущим.

Да, вот так и должна выглядеть настоящая планета людей, подумал Шевек.

И где-то за пределами этого синего и зеленого великолепия звучало пение: тоненький голосок высоко в небе выводил простую нежную мелодию, то громко, то замолкая. Что это? Чей это голос? Чья музыка в воздухе?

Шевек прислушался, дыхание прерывалось в груди от восторга.

В дверь постучали. Забыв, что так и не оделся, и не отрывая глаз от окна, Шевек сказал: – Войдите!

Вошел какой-то человек со множеством пакетов. Да так и застыл в дверях. Шевек подошел к нему, назвал себя по имени, как это было принято у них на Анарресе, и протянул руку для рукопожатия, как это принято было на Урресе.

Человек – ему было лет пятьдесят, но лицо старое, покрытое морщинами – что-то пробормотал неразборчиво и протянутую руку не пожал. Может быть, ему мешали бесчисленные свертки и конверты? Впрочем, он и не пытался от них избавиться. Смотрел он исключительно мрачно и, похоже, был чем-то сильно смущен.

Шевек, который полагал, что уже научился здороваться так, как принято на Урресе, пребывал в замешательстве.

– Ну-ну, входите же! – повторил он и прибавил, поскольку эти уррасти обожали всякие титулы и звания: – Входите, пожалуйста, господин... э-э-э?

Человек разразился новым потоком невразумительных восклицаний, бочком продвигаясь к спальне. Шевек уловил несколько знакомых слов, однако общий смысл сказанного так и остался для него загадкой. Он позволил этому типу пробраться в спальню, поскольку тот явно этого хотел. Может быть, он один из его соседей? Но ведь в спальне только одна кровать! Шевек, ничего не понимая, вернулся к окну, а незнакомец, поспешно проскользнув в спальню, чем-то там некоторое время стучал и гремел. В точности (предположил Шевек) как вернувшийся с ночной смены человек, который пользуется твоей постелью днем, – такое расписание иногда имело место во временно перенаселенных общежитиях Анарреса. Потом человек снова вышел из спальни и сказал что-то вроде «ну вот и все». Потом, как-то странно понутив голову, словно боялся, что Шевек, стоявший метрах в пяти от него, может его ударить, вышел. Шевек обалдело стоял у окна, медленно осознавая, что впервые в жизни ему кто-то поклонился.

Он прошел в спальню и обнаружил, что постель аккуратно застлана.

Медленно, задумчиво Шевек оделся. Он уже обувался, когда в дверь снова постучали.

Эти люди вошли совсем иначе: нормально. Словно имели полное право войти сюда или в любое другое место, когда захотят. Тот человек со свертками все время чего-то опасался,

двигался бочком, стесненно, но тем не менее его внешность и одежда были Шевеку чем-то ближе, казались почти привычными, тогда как у новых посетителей!.. Тот, осторожный его гость вел себя странно, однако выглядел как житель Анарреса. Эти же четверо вели себя как анаррести, но выглядели – со своими выбритыми физиономиями и черепами, в своих пышных одеждах – точно представители иной космической расы.

Шевек наконец в одном из них умудрился признать Пае, а в остальных – тех физиков, с которыми провел вчерашний вечер. Он извинился и объяснил, что не успел запомнить их имена; они, улыбаясь, представились снова: доктор Чифойлиск, доктор Ойи и доктор Атро.

– Черт возьми! – воскликнул Шевек. – Неужели вы – Атро! Как же я рад вас видеть! – Он обнял старика за плечи и поцеловал в щеку, прежде чем успел подумать, что его братское приветствие, обычное на Анарресе, здесь, вполне возможно, выглядит неприличным или вообще неприемлемым.

Атро, однако, тоже сердечно обнял Шевека, глядя ему в лицо затянутыми влажной пленкой серыми глазами. Шевек понял, что старик практически слеп.

– Мой дорогой Шевек, – сказал он, – я тоже очень, очень рад! Добро пожаловать в А-Йо, на Уррас, домой!

– Ах, сколько лет мы писали друг другу письма! Сколько лет разбивали в пух и прах теории друг друга!

– Вам это всегда удавалось лучше, – заметил Атро. – Вот, держите-ка, я кое-что вам принес. – Старик пошарил в карманах. Под бархатной университетской мантией у него был еще пиджак, под пиджаком – жилет, под жилетом – рубашка, а подо всем этим, похоже, еще слой одежды, и не один! И во всем, не говоря уже о брюках, имелись карманы! Шевек прямо-таки завороченно смотрел, как Атро роется в них: в каждом кармане что-то лежало, явно полезное. Наконец он извлек – из шестого или седьмого по счету кармана – небольшой куб желтого металла на подставке из полированного дерева. – Вот! – сказал он торжественно, указывая на куб. – Это приз Сео Оен, который, как известно, достался вам. А деньги уже переведены на ваш счет. Конечно, вы на девять лет опоздали, но лучше поздно, чем никогда. – Руки у Атро дрожали, когда он вручал Шевеку приз Сео Оен.

Куб был тяжелый: он оказался из чистого золота. Шевек не знал, куда его деть.

– Вы как хотите, молодые люди, – сказал Атро, – а я сяду. – И все тут же плюхнулись в глубокие мягкие кресла (их Шевек уже успел как следует рассмотреть, удивленный их обивкой – каким-то не имеющим переплетения нитей коричневым материалом, который на ощупь больше всего походил на кожу). – Сколько вам тогда было лет, Шевек?

Атро был самым старым из ныне живущих физиков Урраса. В нем ощущалось не только достоинство старейшего, но и туповатая самоуверенность человека, который привык ко всеобщему уважению. Ничего нового, подумал Шевек. Этот тип «авторитетного ученого» был ему уже хорошо знаком. И в конце концов, было даже приятно, что к нему наконец обращаются просто по имени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.